Преображенский

ОЧЕРК ИСТОРИИ Современного ИМПЕРИАЛИЗМА

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ВВ217
П8743

П. Ф. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

ВВ217
П 874з

ОЧЕРК ИСТОРИИ
СОВРЕМЕННОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

Допущено Научно-Политической Секцией Государственного Ученого Совета

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ“
МОСКВА—1926.

Издательство „РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ“
при ЦК Проф. Союза работников просвещения СССР.
МОСКВА, Воздвиженка, д. 10. Для телеграмм: МОСКВА—Работникпрос.
Тел. 5-72-98.

I. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ.

	Р.	К.
Белоусов, С. Этапы развития школьного самоуправления	—	90
Беляев, М. Элементы эволюционного учения в работе школы II ст.	—	50
Бергман, С. и **Долинский, С.** Кружковая работа в школе	1	—
Блонский, П. Новые программы ГУС'а и учитель. 3-е изд.	—	15
„ Педагогика. 6-е изд.	—	80
„ Основы педагогики	1	25
„ Педология	2	—
„ Первый триместр в новой школе I ступени	—	35
Варейкис, И. Политика партии в деревне и задачи крестьянской печати	—	20
В помощь Организатору Народного Просвещения. Сборник статей по вопросам инспектирования и руководства просветительной работой. Под ред. И. Переля и М. Эпштейна	2	50
Выготский, Л. Педагогическая психология	2	25
День Печати. Тезисы и материалы. Сборник Отдела Печати ЦК РКП	—	25
Дьюи, Дж. Школа и общество	—	60
Заводов, В. Учительство и комсомол. 2-е изд.	—	40
Заровнядный, Н. Спутник самоучки. Сборник статей и материалов в помощь начальному самообразованию	2	—
Зеленко, А. Американские сельские клубы молодежи и метод домашних проектов	1	50
„ Детские музеи в Северной Америке	2	25
Зильберфарб, И. Современная революционно-педагогич. Франция.	1	25
Зиновьев, Г. Учительство и диктатура пролетариата	—	40
Ивановский, П. Физическая культура в школе. 3-е изд.	—	15
Игнатьев, В. Основы физической культуры. 2-е изд.	—	40
Кардашев, В. Ручной труд	2	50
„ Двадцать пять коллективных работ для оборудования лаборатории сельской школы	—	50
Карельских, А. Через школу к организации крестьянского хозяйства. 4-е издание	—	75
Кравков, С. Очерк психологии	1	—
Крупская, Н. Заветы Ленина в области народного просвещения. 3-е изд.	—	15
„ Коллективная работа учительства. 2-е изд.	—	10
Кржижановский, Г. Ленин и техника	—	15
Ленин, Н. Социалистическая революция и задачи просвещения. 2-е издание	—	40
Луначарский, А. Просвещение и революция	2	75
„ Против идеализма	1	50
Львов, К. и **Сироткин, В.** Самоорганизация школьников	—	85
Меде, В. и **Пиорковский, Г.** Детская одаренность	—	75
Медынский, Е. История педагогики в связи с экономическим развитием общества	2	—
Мишин, С. Весенне-летний триместр. 2-е изд.	—	45
МОПР и Учительство. Сборник материалов для проработки в школе, пионер-отряде и т. д. Составили В. Шпагнева, Я. Симонс и З. Карпинская	1	50
Панкевич, П. Мысли Плеханова о воспитании и образовании	—	60
Педагогические идеи Великой французской революции	2	—
Пинкевич, А. Введение в педагогику	—	80
Пистрак, М. Насущные проблемы современной советской школы. 2-е издание	1	20

П. Ф. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ЛЕНИНГРАДСКАЯ

ОЧЕРК
ИСТОРИИ СОВРЕМЕННОГО ИМПЕРИАЛИЗМА

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

Допущено Научно-Политической Секцией
Государственного Ученого Совета

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ“
МОСКВА—1926

П 1986

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2006

ВВ217
П 874 3Р

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. Р.К.П. (б.)
312303
У

Ленинградский Гублит № 16961. Заказ № 2127. Тираж—4.000 экз.

Типография «Вестник Ленинградского Совета», 2-я Советская, 7.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ЧТО ТАКОЕ ИМПЕРИАЛИЗМ.

Конец национальных войн.

Франко-прусская война 1870—71 гг., окончившаяся разгромом Второй Империи во Франции и созданием об'единенной Германии с прусским королем, получившим титул германского императора, во главе, заканчивает собой эпоху создания национальных государств в Европе. Один из главных создателей об'единенной Германии и, может быть, самый замечательный дипломат XIX века, государственный канцлер новосозданной Германской империи, князь Бисмарк, был уверен, что разделение Европы на крупные национальные государства в значительной степени умерило опасность войны. По его мнению, Германская империя принадлежала к числу насыщенных государств, которые должны заботиться лишь о сохранении приобретенного, но никак не о новом расширении своих границ. Теперь это мнение кажется лишь забавным заблуждением, но не надо забывать, что все же Бисмарк принадлежал к числу самых крупных государственных деятелей своего времени. Предсказания „железного канцлера", как называли Бисмарка, были опровергнуты размахом европейского капитализма, которому стало чересчур тесно в рамках национально-буржуазного государства.

Развитие европейской промышленности в конце XIX и XX веках.

Как раз „насыщенная" Германия всего менее оправдала ожидания Бисмарка. Это об'ясняется именно тем, что развитие германского капитализма, германской промышленности шло особенно быстро. Быстрота промышленного развития была всего более заметна в области тяжелой индустрии — металлургии и машиностроения. Развитие новых способов обработки металла, в связи с расширением спроса на металлические изделия со стороны транс-

порта и электрической промышленности, дало особенно сильный толчок германскому капитализму. Первые признаки этого бурного роста германской промышленности совпали еще с пребыванием Бисмарка у власти, но ему уже не пришлось увидеть результатов этого явления, — этим и об'ясняется сделанная им ошибка. За время с 1887 по 1913 г. доменные печи Германии стали производить вчетверо больше чугуна. Производство же стали приблизительно за это же время возросло на 1350%. Развитие электрической промышленности всего лучше характеризуется тем, что в 1891 г. в ней было занято около 26 тысяч рабочих, а в 1913 г.— 250 тысяч. Соответственно с этим развивалась и электрификация. В 1891 г. было электрифицировано 35 местностей, а в 1913 г. — 17.500. Германский транспорт сделал также чрезвычайно большие успехи. С 1885 по 1911 г. число пассажирских вагонов почти что утроилось, а число товарных увеличилось в два с половиной раза. Правда, германское промышленное развитие шло в общем быстрей, чем развитие других государств, и только Соединенные Штаты Северной Америки превосходили его, но, тем не менее, те же явления, хотя и в меньшей степени, можно подметить и в остальных странах капиталистической Европы. Так, Англия увеличила свое производство стали и железа в полтора раза за промежуток времени с 1890 по 1911 год, а Франция — более чем вдвое. Естественно, что этот рост производительных сил не мог не оказать самого существенного влияния на характер европейской политики, которая из национально-буржуазной, какой она была до середины 80-х годов прошлого столетия, стала империалистической.

Разумеется, этот переход совершился не сразу — европейский империализм принял особенно яркий отпечаток с начала XX столетия, но уже и в предыдущие 15 лет, которые как бы составляют переходную эпоху к нему, империалистический характер европейской политики выявился достаточно определенно. Прежде чем перейти к описанию этой новой эпохи европейской истории, необходимо выяснить ее действующие пружины, так как только тогда станет вполне ясно, при каких условиях росла и развивалась империалистическая Европа со своими соперниками в этом развитии—Соединенными Штатами Северной Америки и Японией.

Империализм, как монополистический капитализм.

Вождь русской революции, совершавшейся в условиях империалистической действительности, В. И. Ленин, особенно выпукло и ярко охарактеризовал движущие силы империалистической политики. Эта характеристика имеет особое значение не только потому, что она дана человеком, которому пришлось практически действовать, учитывая положение революционной России среди ее империалистического окружения, но и в силу того, что она подвела итоги целому ряду ученых работ, вышедших из-под пера буржуазных и марксистских исследователей. Самым коротким и выразительным определением сущности империализма В. И. Ленин считает следующее: „Империализм есть монополистическая стадия капитализма". Данное В. И. Лениным определение заключает в себе указание на целый сдвиг в строе капиталистических предприятий, который в своем полном размере осуществился только к началу XX столетия. Европейский капитализм середины XIX века был основан на свободной конкуренции промышленных предприятий между собой. Эта конкуренция основывалась на стремлении каждого отдельного производителя улучшить средства и методы своего производства—применить новые машины, новые технические изобретения, подойти ближе к условиям рынка, угодить вкусам покупателя, удешевить свои товары и тем побить своих соперников по данной отрасли производства. Поэтому капиталистическая техника все более и более прогрессировала, из промышленных предприятий выживали только наиболее приспособленные и усовершенствованные. Буржуазным экономистам казалось, что свободная конкуренция промышленных предприятий означает собой путь к постоянному совершенствованию и развитию капиталистического строя. Но уже Маркс доказывал, что у этой свободной конкуренции есть свои границы, за пределами которых она может обратиться в свою противоположность. Самоуничтожение свободной конкуренции происходит вследствие того, что в борьбе промышленных предприятий между собой выживают самые сильные и мощные, обладающие самым совершенным техническим оборудованием и наибольшим количеством рабочей силы. Это явление ведет к концентрации производства, к сосредоточению данной отрасли промышленности в руках

сравнительно небольшого количества предпринимателей. В довоенной Германии сотая доля предприятий обладала более чем $^3/_4$ всего количества паровой и электрической силы, а на долю 90% всех предприятий приходилось лишь 7% паровой и электрической силы. Естественно, что эти немногие крупные предприятия предпочитали заключать между собою различные соглашения, устанавливать сообща цену, определять количество и качество подлежащих выпуску товаров. В германской промышленности особое значение имело химическое производство. В довоенное время Германия являлась всемирным поставщиком всевозможных химических продуктов — медикаментов, красок. Даже во время войны противники Германии были принуждены покупать у ней краски для своей хлопчатобумажной промышленности. К 1905—8 гг. вся химическая промышленность Германии была уже об'единена в две большие группы химических фабрик. Однако, дело на этом не остановилось. Обе группы стали заключать между собой соглашения—договоры о ценах, количестве и качестве продуктов своего производства. Таким образом вместо конкуренции целого ряда предприятий получалась монополия одного большого капиталистического соглашения. Это соглашение стало устанавливать свои цены на рынке, одним словом, сделалось полным хозяином в области производства и сбыта изделий химической промышленности.

Финансовый капитал.

Указанные нами явления—укрупнение промышленных предприятий и монопольное овладение рынком — вызывались также своеобразными изменениями в значении банковского капитала для промышленности. Прежде банк выступал в роли ростовщика, давая промышленнику ссуду для устройства или переоборудования предприятия, и не вмешивался в управление последним. Банковский и промышленный капиталы существовали раздельно. К концу XIX века денежные суммы, находившиеся в распоряжении банков, значительно возросли в своем размере. Случилось это отчасти благодаря тому, что банки путем более умелой организации стали притягивать в свои кассы почти весь наличный капитал страны. Большие западноевропейские банки раскинули сеть своих отделений по всем

сколько-нибудь значительным местечкам и стали привлекать к себе мелких сберегателей. Все мелкие сбережения крестьян, рабочих, служащих, откладывавшиеся на черный день и хранившиеся где-нибудь дома, переходили в распоряжение крупных банков, которые через своих агентов не только выплачивали проценты вкладчикам, но часто всучивали последним различные процентные бумаги. Какой-нибудь французский крестьянин получал от банка в обмен на свои сбережения облигации, т.-е. долговые обязательства, царского правительства России и этим самым, боясь за участь своих грошей, делался заинтересованным в аккуратных платежах процентов по купленным им бумагам. Имея на руках крупные суммы денег, банки стали не только ссужать их промышленникам, но непосредственно основывать промышленные предприятия. Промышленник, взявший ссуду из банка, обычно получал со взятого им из банка займа, который вкладывался им в свое предприятие, бóльшую прибыль, чем те проценты, которые получал со своей ссуды банк. Вполне естественно, что для банка было очень соблазнительно прямо участвовать в предприятии, чтобы класть в свой карман не только процент, но и промышленную прибыль. Поэтому банки начали становиться не только ссудчиками предприятий, но и прямыми хозяевами последних. Такое слияние банковского и промышленного капиталов принято называть финансовым капиталом. Мы уже упоминали про мировое значение германской химической промышленности. Во время мировой войны, когда у французов не стало германских химикалий, „Парижский банк“ собрал много капиталов для создания во Франции своей химической промышленности. Таким образом в роли основателя и хозяина новооснованной промышленности выступило не отдельное лицо, а один из крупнейших французских банков. Если принять во внимание, что в среде самих банков крупные банки вытеснили мелкие и вместе с тем доходы этих крупных банков повысились путем присвоения промышленной прибыли, то станет ясным, насколько возросли мощь и влияние современного банка по сравнению с его предшественником—банком, примерно, середины XIX века. Именно поэтому эпоху империализма иногда называют эпохой финансового капитала.

Свободная торговля и протекционизм.

Господство финансового капитала сопровождается и изменениями в характере взаимоотношений между государствами. К 60-м годам XIX столетия в Европе временно торжествует система либеральных торговых договоров между государствами,—иначе говоря, каждое европейское государство пользуется сравнительной свободой при ввозе продуктов своей промышленности в пределы другого государства. Пошлины, существовавшие при ввозе товаров из одной страны в другую, в значительной степени отменяются. Таким образом между отдельными государствами идет такая же конкурентная борьба в области производства и сбыта своих товаров, какая наблюдается между отдельными промышленниками. Особенно тщательно проповедует идею свободного межгосударственного обмена Англия. Эта заинтересованность англичан в свободном обмене об'яснялась очень просто. К этой эпохе Англия сделалась как бы мировой мастерской, обогнав в развитии своего производства все другие страны. Ей было нечего бояться конкуренции со стороны ее соперников. Наоборот, свободная торговля была ей только выгодна, так как приносила ей открытие новых и новых рынков для продуктов английской индустрии. Однако, уже с 70-х годов в Европе начинается поворот к протекционизму — наложению высоких пошлин на предметы ввоза, чтобы не дать промышленности чужой страны соперничать или конкурировать с отечественной промышленностью. На этот путь введения покровительственных пошлин для продуктов собственной индустрии в 1879 г. становится Германия, а с 80-х годов — Россия, Франция, Австрия, Италия и Соединенные Штаты. Следовательно, вскоре после сформирования крупных национальных государств Европа разделяется на столько же борющихся между собой национальных „капитализмов“. Эта международная борьба национальных хозяйственных тел происходит не только путем наложения запретительных пошлин на продукты чужой промышленности, но и путем усиления вывоза в другие государства. На первый взгляд может показаться странным, каким образом может происходить это усиление вывоза, если каждая страна применяет запретительные пошлины. Но на самом деле такое явление возможно благодаря тому, что в преде-

лах своей собственной страны капиталист может безнаказанно повышать уровень цен на продукты своего производства, эксплоатируя отечественного потребителя, но при этом остальную часть продукции сбывать за границу по низким „бросовым“ ценам, чтоб захватить там рынок в свои руки. Рейнско-Вестфальский каменноугольный синдикат в Германии уже в 1893 г. захватил в свои руки 87% производства каменного угля в данном районе, в 1910 году довел эту цифру до 96% и поэтому мог продавать в Германии тонну угля за 10 марок 70 пфеннигов (марка = 46 коп.), а за границей—только за 9 мар. 82 пфенн., т.-е. со скидкой приблизительно в 8%. Еще более решительно действовал германский союз производителей проволочных гвоздей, ухитрившийся продавать гвозди за границей на 44% дешевле, чем у себя дома. Естественно, что даже старая защитница свободной торговли, Англия, стала помышлять о переходе к высоким пошлинам на чужие товары. В 1897 г. английский министр колоний Чемберлен [1]) выступил с предложением об'единить Англию в одно экономическое целое с ее колониями. Мысль Чемберлена и его сторонников заключалась в следующем: Англия обладает очень высоко развитой промышленностью, но у нее нехватает продуктов питания и сырья, что имеется в изобилии в ее колониях, и поэтому об'единение Англии с ее колониями создаст как бы огромную ни от кого не зависящую экономическую державу—„Великую Британию“, при чем Англия будет ввозить в свои колонии готовые фабричные продукты, а оттуда вывозить необработанное сырье и пищевые запасы. Предложение Чемберлена было отвергнуто представителями колоний, которые были озабочены развитием своей собственной промышленности и вовсе не желали, чтоб она была задавлена продуктами более старой и развитой английской индустрии. Этот вопрос о свободной торговле и протекционизме, а также о взаимоотношениях с колониями, еще до сих пор служит яблоком раздора среди английских буржуазных политиков. Не отставали от англичан и представители германского империализма, лелеявшие перед мировой войной мысль

---

[1]) Отец современного английского министра иностранных дел—Остина Чемберлена.

о создании так называемой „Срединной Европы"—огромного экономического массива, который включал бы в себя Германию, Австро-Венгрию, Болгарию, Сербию, Турцию и означал бы господство германского капитала над громадной территорией, простирающейся от Северного и Балтийского морей до Персидского залива. Эти последние планы германских империалистов могли быть осуществлены только при условии удачного исхода мировой войны, и самое существование таких планов удачно об'ясняет то положение, что развитие европейского капитализма уже переросло рамки национального государства.

Колониальная политика.

Это последнее обстоятельство бросает яркий свет на чрезвычайно быстрое колониальное расширение империалистических держав за последние десятилетия. Самым разительным примером европейской колониальной политики за последнее время может служить Африканский материк. В 1876 г. только одна десятая часть Африки принадлежала европейцам. К 1900 г. сюда прибавилось 80%, а дележ остальных 10% несколько раз грозил мировой войной в течение XX века. За последние полвека весь „черный" континент был сначала исследован европейскими путешественниками, которые по большей части являлись агентами своих государств, а вслед за этими исследованиями шло и присоединение огромных территорий путем обмана, вымогательства и насилия. Европейцы выступали в Африке под видом „носителей культуры", но на самом деле губили и своеобразную культуру туземцев, и самих туземцев. По злому замечанию одного немецкого ученого, Европа принесла в Африку четыре S (немецкое с) — торговлю рабами (Sklavenahndel), водку (Schnaps), сифилис (Siphylis), дрянные товары (Schundwaren). Трудно перечислить все те жестокости, которые творились в африканских колониях европейскими колонизаторами. Особенно прославились своими злодеяниями бельгийцы в своей колонии Конго. Даже в самой Европе раздались негодующие голоса по поводу бесчеловечия бельгийской колониальной политики. В своей колониальной политике европейцы не ограничились такими территориями, где, по их мнению, жили одни лишь „дикари" и не было никакой „государственности"

на европейский лад. Европейский империализм крепко внедрялся и в государства очень старой культуры, но отставшие в техническом и хозяйственном отношении. Этим государствам—Персии, Турции, Китаю—оставлялось подобие государственной независимости, но на самом деле европейцы получали на территории этих стран особые права, которых не было у самих жителей, а европейские капиталисты начинали распоряжаться и естественными богатствами, и технической эксплоацией этих богатств, и всей вообще хозяйственной жизнью этих „полуколоний". В столице Китая, Пекине, до сих пор существуют части города, так называемый „европейский квартал", куда не может войти ни один китаец, а в Турции по так называемым „капитуляциям" иностранцы подлежали особым судам с участием своих консулов. Персия до мировой войны была как бы разделена на три части, из которых в северной хозяйничал русский капитал, в южной — английский, а в серединной части англичане и русские действовали на равных правах. В Турции и Китае империалистические державы все время вели между собой борьбу за „зоны влияния", за наиболее выгодное помещение своих капиталов. Следующие статистические данные наглядно показывают весь размах колониальной политики шести главных империалистических государств довоенной эпохи — Англии, Франции, России, Германии, Японии и Соединенных Штатов Северной Америки: пространство, занимаемое этими государствами, было равно $16^1/_2$ милл. квадратных километров с населением около 437 миллионов человек, но распоряжались эти державы колониальной территорией в 65 милл. кв. километров с населением в 523 милл. человек. В этом расчете не приняты во внимание страны - полуколонии — Турция, Персия, Китай, которые составляют $14^1/_2$ милл. квадр. километров с населением в 361 милл. человек. Колонии и полуколонии европейских государств являлись для Европы поставщиками сырья самого разнообразного характера—ископаемых, растительных и животных продуктов. Колониальное население принуждалось силой развивать те отрасли своего хозяйства, в которых был заинтересован его поработитель. Египетский феллах (крестьянин) был принужден перейти к возделыванию хлопка для английских мануфактуристов, хотя ему нехватало

пшеницы для собственных нужд, результатом чего могло быть только хроническое голодание. Негритянские деревни бельгийского Конго должны были доставлять определенное количество каучука, при чем эти поставки были так велики, что туземцы не были в состоянии их выполнять. За невыполнение устраивались карательные экспедиции, которые заставляли негров бросать свои деревушки и бежать в леса, чтобы как-нибудь скрыться от своих безжалостных эксплоататоров. В самое последнее время нефтяные источники Персии, Турции, Мексики особенно привлекали к себе внимание англичан, французов и американцев. Во время мировой войны колонии сделались поставщиками „живого товара" — пушечного мяса для французских и английских войск. Англичане перевезли на Западный театр войны войска из Индии, а французы посылали на убой африканских чернокожих. Борьбой за источники сырья как настоящие, так и будущие об'ясняется многое в европейской колониальной политике, но колонии служили для Европы не только поставщиками продуктов, нужных для европейской промышленности,—они были местом для вывоза европейского капитала.

Вывоз капитала.

Введение высоких запретительных пошлин, т.-е. замена политики свободной торговли политикой протекционизма, поставило преграды для вывоза товаров из одной страны в другую, а один внутренний рынок уже перестал удовлетворять переросший национальные рамки капитализм европейских государств. Капиталу стало недоставать мест прибыльного помещения. Поэтому он хлынул в целый ряд колониальных предприятий, как-то: сооружение в колониях портов, каналов, железных дорог. Эти сооружения часто бывали по существу убыточны, но обычно колониальное государство гарантировало своим капиталистам определенный процент прибыли, выплачивая эту прибыль из тощего кармана главной массы своих налогоплательщиков. Но капитал наиболее сильных в капиталистическом отношении государств не мог удовлетворяться и колониями, как местами для своего вывоза. Если ему были поставлены границы в виде высоких пошлин и он не мог их перешагнуть в товарном виде, то это было возможно для его денежной формы. В форме денег он стал вывозиться в те

страны, где нехватало собственного капитала, и стал там вкладываться в различные предприятия — банки, фабрики, заводы. К 1912 г. Франция вывезла за границу около 35½ миллиардов франков (довоенный франк около 37½ коп.), из которых на долю России приходилось около 10 миллиардов. Уже из этих цифр вполне понятна та политическая близость, которая существовала между царской Россией и республиканской Францией в довоенную эпоху. Не только Франция ввозила свои капиталы в Россию,—этим же занимались Англия и Германия. Русские банки—„Русский банк для внешней торговли" и „Петербургский международный торговый банк"—работали на ¾ немецкими капиталами. Английский капитал был заинтересован в бакинской нефти, а 90% производства кокса в Донецком бассейне находилось в руках французских и бельгийских капиталистов. Особое значение для вывоза капитала имело устройство государственных займов. Царская Россия устраивала свои займы почти исключительно во Франции, и французская биржа сыграла главную роль в устройстве франко-русского союза. Русский царизм отделался сравнительно благополучно от революции 1905 года только благодаря тому, что в решительный момент графу Витте удалось получить заем на парижской бирже. При заключении государственного займа государство-заимодавец обычно выговаривает себе, кроме определенного и часто ростовщического процента, некоторые экономические выгоды—крупный заказ на продукты своей промышленности или концессию в виде устройства крупного предприятия—проведения железной дороги, разработки естественных богатств страны-должника. Разумеется, капитал идет за границу только в том случае, если прибыль, приносимая им у себя дома, меньше заграничной. В довоенной Франции вывезенный капитал приносил не меньше 5%, в то время как при помещении в самой Франции его нормальная доходность равнялась 3½—4%. Немудрено, что даже такой всемирный торговец, как Англия, получал от своей торговли впятеро меньше, чем от вывезенного им за границу капитала. И английский капиталист прекрасно чувствовал, где он может собрать лучшую жатву: с 1882 по 1914 г. вывезенный за границу английский капитал увеличился вчетверо.

Дележ мира между монополистическими союзами капиталистов.

Но не только внутренний рынок путем соглашения делится между крупными капиталистическими об'единениями, такому же дележу подлежит и рынок внешний, поскольку на него открыт доступ произведенным товарам. Об'единение крупных предприятий не замыкается пределами страны, но идет и дальше посредством образования международных союзов крупнейших капиталистических предприятий, и таким образом из монополии внутренней получается монополия в мировом масштабе. Электрическая промышленность Германии к 1908 г. слилась в две мощных группы предприятий—„Всеобщую компанию электричества" и „Общество Сименс и Гальске-Шуккерт". Эти две группы вступили между собой в теснейшую кооперацию и получили полную монополию на внутреннем рынке Германии, продавая потребителям свои товары по желательной для себя цене. Совершенно такие же явления произошли и в Америке, где возникла своя „Всеобщая компания электричества". Фактически германские и американские об'единения электрической промышленности оказались мировыми монополистами и, чтобы устранить конкурентную борьбу между собой, заключили прямое соглашение относительно сбыта продуктов своего производства. Американцы получили на свою долю Соединенные Штаты Северной Америки и Канаду, а немцы—Германию, Австрию, Россию, Голландию, Данию, Швейцарию, Турцию и Балканы. К 1910 г. такое же соглашение в мировом масштабе было заключено между предприятиями по производству рельс. Рельсовая промышленность каждой страны получила определенную долю в мировом производстве рельс. Этот последний пример особенно интересен тем, что в рельсах непосредственно заинтересован не мелкий потребитель, а потребитель очень крупного размера и в первую очередь государство, где имеются государственные железные дороги. Таким образом стальным королям удалось наложить свою тяжелую руку и на интересы целых государств. На первый взгляд может показаться, что заключение таких мирных соглашений служит лучшим предохранительным средством против могущей возникнуть из-за дележа мирового рынка войны. Однако, такие соглашения капиталистических групп подобны лишь очень плохому миру,

так как каждая такая группа необходимо стремится к захвату полной мировой монополии и рассматривает такое соглашение только как передышку перед новой борьбой за мировое первенство. Кроме того, все эти соглашения носят лишь временный характер и заключаются на определенный срок, а при заключении нового соглашения возникают новые трения относительно доли участия каждого об'единения в дележе мировой добычи. Следовательно, образование синдикатов, трестов, картелей, как называются эти монополистические об'единения капиталистов, и их международные соглашения устраняют лишь местную борьбу и конкуренцию отдельных предприятий, но зато обостряют эту конкуренцию между самими монополистическими союзами капиталистов. А такая борьба может легко повести и к международным осложнениям. Ибо не только производство капиталистических стран находится во власти немногочисленной кучки банковских и промышленных воротил—в теснейшей зависимости от последних находится и политическая жизнь западно-европейских и американских „демократий". В английском парламенте—палате общин—большинство членов непосредственно заинтересовано в целом ряде предприятий—банковом деле, угольной промышленности, производстве стали и железа, машиностроении, пароходстве и т. п. Эти английские политики представляют собой всю мощь английского капитализма, и немудрено, что их деятельность направлена, главным образом, к поддержанию его интересов. Во французской палате депутатов большой численностью обладают представители свободных профессий, в особенности юристы и адвокаты, но и они обычно зависят от крупных капиталистических предприятий, либо прямо, состоя там на службе, либо косвенно, получая взятки и подарки. Финансовая и промышленная олигархия — властвование немногих — имеет своим соответствием и олигархию политическую—сосредоточение власти в руках ловких политических деятелей, которые действуют в интересах отечественных капиталистов. Естественно, что все заминки, все столкновения в действиях финансовых и промышленных монополистов сейчас же находят себе отклик в политической жизни, и капиталистическое государство оказывается послушным слугой при выполнении планов кучки капиталистов, контролирующих хозяйственную жизнь страны.

Империализм и милитаризм.

Поэтому далеко не случайным является то обстоятельство, что параллельно с усилением монополистических союзов капиталистов возрастал европейский милитаризм: траты европейских государств на армию и флот увеличивались буквально не по дням, а по часам. Военный бюджет Германии за десятилетие 1880—90 гг. составлял $5^1/_2$ миллиардов франков; а за десятилетие 1900—1910 гг.—25 миллиардов франков; соответственные цифры английского военного бюджета равны 6 и 40 миллиардам; русского — $5^1/_2$ и 30; французского — 8 и 27. Это бешеное расходование народного богатства на непроизводительные нужды было вдвойне необходимо для королей европейской и американской промышленности. Прежде всего все эти военные заказы отдавались крупнейшим фирмам металлургической индустрии и давали этим фирмам большие барыши, а затем увеличивали военную мощь государства, которое было готово с оружием в руках поддерживать интересы своих промышленников. В этом отношении особенно интересна деятельность знаменитой германской фирмы Круппа в Эссене. В делах этого „пушечного короля" была заинтересована сама династия Гогенцоллернов, и поэтому Крупп всегда получал преимущество перед своими конкурентами при заказах. В 1913 г. социал-демократический депутат германского рейхстага Карл Либкнехт [1]) в своих разоблачениях указал, что фирма Круппа не только имела своих шпионов в морском и военном министерствах с целью получать секретные документы, но подкупала немецкие газеты, чтобы те печатали вымышленные статьи, которые способствовали бы предложению и принятию новых военных заказов. Всего замечательнее, однако, то, что Крупп не ограничивался немецкими газетами, но подкупал и французские, т.-е. газеты той страны, против которой в первую голову были направлены немецкие вооружения, для того, чтобы продажные французские журналисты давали ложно преувеличенные сведения о французских вооружениях и этим подхлестывали немецкий патриотизм.

---

[1]) Впоследствии вождь спартаковцев, предательски убитый германскими фашистами во время январского восстания немецких рабочих в 1919 г.

Промышленно-финансовая олигархия и пресса.

Эти „подвиги“ крупповской фирмы ясно указывают, что финансовая и промышленная олигархия не только владеет политической жизнью капиталистического государства, но обрабатывает надлежащим образом и общественное мнение. В одних случаях это достигается посредством подкупа влиятельных журналистов, в других же созданием своих собственных газет или устройством договора с большим газетным издательством. В Англии, Франции, Соединенных Штатах, Германии существуют большие газетные предприятия, своего рода монополистические об'единения газетного дела, которые выпускают целый ряд больших и малых газет с огромным тиражом и таким образом „делают“ общественное мнение страны. Через эти газеты крупные предприниматели защищают свои интересы перед широкой публикой и заставляют ее верить целому ряду лживых сообщений. Недаром прессу называют „великой державой“.

Библиотека Института Ленина при ЦК. Р.К.П. (б.) 3/2303

Силы, поддерживающие империализм.

Власть и влияние финансового капитала в капиталистическом обществе покоится на целом ряде оснований. В его руках находится государство—это могущественнейшее орудие классового принуждения, самые крупные политические организации данной страны—политические партии, которые постоянно получают средства от капиталистических организаций, и периодическая печать. Но это еще не все. Капиталистическое общество как бы приковано к победной колеснице финансового капитала и в организационном смысле. В существовании финансовой олигархии заинтересованы мелкие вкладчики банков, которые боятся потерять свои сбережения в случае внутренних потрясений, огромные кадры технического персонала капиталистических предприятий—инженеры, техники, бухгалтеры, комиссионеры, ученые, разрабатывающие технические и экономические вопросы производства и сбыта, и, наконец, высшие слои рабочего класса, так называемая „рабочая аристократия“, получающая высшие оклады и наградные по сравнению с рядовым рабочим. Все эти промежуточные слои общества цепко держатся за свои места и оклады, не замечая того, что, по большей части, на их долю достаются лишь крохи с господского стола, и, при насту-

плении движений революционного характера, нередко выступают на поддержку своих хозяев. Только наступление заминки в сбыте, финансовый крах, разорение предприятия вследствие неудачной войны понемногу смогут разорвать экономическую и социальную связь, которая существует между финансовой олигархией и этими общественными группами. Тогда им останется только одно — примкнуть к освободительному движению, во главе которого стоит организованный пролетариат. Тогда укрепленность финансовой олигархии сделается значительно более ослабленной, и ей придется опираться в значительной степени на голую силу, что не может длиться долго.

Войны и конец империализма.

Пока же империализм будет существовать, будут продолжаться военные вооружения и возникать новые и новые поводы войны. Капитализму тесно в рамках национального государства, но путь к приобретению новых территорий, новых рынков сбыта и новых месторождений сырья для него закрыт, так как раздел мира уже закончен и всякое новое расширение может произойти только на счет соседей. И не только необходимость внешнего расширения толкает запертый в рамках национального государства капитализм на путь новых войн. К этому же ведет и характер внутренне-политических отношений в капиталистическом государстве. Увеличивающийся напор пролетариата, недовольство разоряющейся мелкой буржуазии заставляют империалистическое государство искать выхода в международных осложнениях и рассчитывать на то, что война принесет „гражданский мир“, временное притупление классовых противоречий и поведет к захвату новых территорий, эксплоатация которых даст возможность извлечь новые прибыли, частью предназначенные для удовлетворения недовольных. Но такая империалистическая война—орудие обоюдоострое, так как в случае поражения она почти с роковой неизбежностью означает революцию, как показывает пример России и Германии во время мировой войны, а победа в лучшем случае дает лишь временную оттяжку, после которой классовая борьба возникает с новой силой. Так что империализму приходится постоянно находиться в крайне затруднительном положении — по самому своему

существу стремиться к войне и постоянно вызывать ее призрак, но в то же время опасаться ее течения и ее результатов. Именно поэтому империализм есть не только монополистическая стадия капитализма, но последняя и заключительная стадия капиталистического общества. Его предел— лишь революция. И, по всей вероятности, как результат новой мировой войны.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД ИМПЕРИАЛИЗМА (80-е годы XIX ст.—1900).

Значение Германской империи.

Франко-германская война 1870—71 гг. создала в Центральной Европе новую могучую силу — Германскую империю, которая вплоть до мировой войны была основной осью европейской международной политики. Как уже было указано, новое государство пошло чрезвычайно быстро по пути капиталистического развития и к началу XX века во многих отношениях перегнало владычицу морей и европейской промышленности—Англию. За этим лихорадочным промышленным развитием стоял и своеобразный строй Германской империи. Германия не пережила, как Франция, удавшейся буржуазной революции, так как в 1848 г. германская буржуазия, с одной стороны, была чересчур слаба, чтобы взять власть в свои руки, а с другой—была испугана выступлением своего и французского пролетариата [1]). В дальнейшем, в особенности с 1871 г., экономическая мощь германской буржуазии крайне возросла, но у этой усилившейся и окрепшей буржуазии не было никакой охоты к захвату политической власти и к имущественной экспроприации дворянства, так как у нее вырос новый и страшный враг в лице организованного рабочего класса. Поэтому она предпочла заключить соглашение со своим старым соперником — феодальным дворянством. Правда, интересы невольных союзников несколько расходились: дворянин-помещик был заинтересован в повышении цен на хлеб, в то время как промыш-

[1]) В июне 1848 года парижские рабочие восстали против временного правительства, выдвинутого Учредительным Собранием после падения короля Людовика-Филиппа. Восстание было с большой жестокостью подавлено буржуазной белой гвардией под командой генерала Кавеньяка, но вызвало серьезные опасения в среде буржуазии других стран.

леннику были выгодны низкие хлебные цены, чтобы снизить заработную плату рабочего, и в области этих расходящихся интересов часто возникали столкновения, но все же союз этих классов гарантировал их до некоторой степени от социальной революции пролетариата со всеми последствиями последней — экспроприацией земли у помещиков и фабрик у промышленников. Кроме того, в условиях экономического соперничества империалистической эпохи германская буржуазия получала и еще одну выгоду — притязания германского торговца и заводчика всегда мог поддержать меч дворянского государства. Государственный аппарат страны вместе с армией оставался в руках специализировавшегося в бюрократическом управлении и военном деле дворянства, но зато буржуазия имела в этом аппарате прекрасную защиту как от врагов внутренних, так и внешних. Живое участие, которое принимал в делах германской буржуазии глава класса помещиков, сам император германский Вильгельм II, неоднократно выступавший то коммивояжером по ее делам, то непосредственным соучастником капиталистических предприятий, очень живо рисует это сожительство дворянства и буржуазии в Германии.

Политика Бисмарка.

Появление такого военно-промышленного государства внесло сильное изменение в международную обстановку Европы. На место непостоянных и недолговременных международных группировок европейских государств выдвигается идея длительных и постоянных союзов. Ее наиболее талантливым выразителем явился государственный канцлер новосозданной империи—князь Отто Бисмарк. Бисмарку было необходимо обеспечить международную безопасность Германии, а это представлялось далеко не легким делом. Германия имела открытые границы с тремя большими государствами—Францией, Австрией и Россией, и естественно, что „железный канцлер“ желал во всяком случае предотвратить возможность войны на три фронта сразу. В XVIII веке Пруссии пришлось выдерживать такую борьбу, и только случайность спасла прусского короля Фридриха II от полного разгрома. Возможность союза с Францией была целиком исключена поражением Франции в 1871 году. Французская буржуазия

не могла забыть того, что Германия отторгнула у побежденной Франции целых две провинции—Эльзас и Лотарингию. Значение этих областей, собственно Лотарингии, заключалось в том, что в последней находились богатые залежи железной руды, необходимые для бедной железной рудой, но богатой каменным углем Германии. Достаточно указать, что в 1913 г. из 28.607.000 тонн железной руды, добытой в Германии, 21.136.000 тонн падали на долю Лотарингии. Правда, Франция была и без того богата железом, и еще незадолго до мировой войны один французский же писатель называл ее „королевой железа", но, разумеется, для французской буржуазии было все же выгодней хотя бы продавать Германии лотарингскую железную руду, чем предоставить разработку этой руды самой Германии. Кроме того, как на грех, неподалеку от франко-германской границы находились такие лакомые кусочки, как бассейн железной руды Брией во Франции и саарский каменноугольный бассейн в Германии. Германии очень хотелось захватить в свои руки и Брией, и для этого у германской буржуазии были свои основания, так как в конце-концов ей нехватило лотарингской руды и к началу мировой войны ей пришлось покупать у Франции как раз то количество руды, которое составляло добычу бриейского бассейна. Бедная каменным углем Франция покупала у немцев саарский уголь и, конечно, мечтала не только о возврате Эльзаса и Лотарингии, но и о захвате саарского каменноугольного бассейна. Если этот спор из-за угля и железа играл большую роль при заключении закончившего войну 1870—71 гг. Франкфуртского мира, то, естественно, он становился все острее по мере того, как развивалась металлургическая промышленность обеих стран. Поэтому Франция могла войти в политические расчеты Бисмарка только как возможный враг. Больше того, Бисмарк и военные круги Германии были очень недовольны тем, что Франция быстро оправилась от военного разгрома и в два года уплатила огромную контрибуцию. Уже в 1875 году одна немецкая газета напечатала статью, в которой говорила о возможности новой войны с Францией. Вмешательство английской и русской дипломатии показало Германии, что эти державы не хотят допустить нового поражения Франции. Сам Бисмарк отрицал это намерение Германии, но

теперь стало известно, что вдохновителем наделавшей много шума статьи был он сам. Эта „дипломатическая тревога 1875 г.“ интересна тем, что в ней Россия, Англия и Франция оказались сомкнутыми против Германии, что как раз случилось впоследствии в эпоху мировой войны. Для Бисмарка возможность такого положения была значительной сама по себе и только заставила его искать средства для укрепления международного положения Германии. За вычетом Франции, теми соседями, с которыми можно было заключить союз, были Австрия и Россия, и, может быть, самым затруднительным для Бисмарка являлся выбор между ними. А выбирать приходилось потому, что между Россией и Австрией все время крепла вражда из-за балканских дел.

Образование тройственного союза.

У трех восточных европейских империй, России, Австрии и Германии, имелся один общий политический интерес, который мог до некоторой степени вести к их взаимному соглашению,—они были охранителями „порядка“, дворянско-монархической государственности, или, говоря проще, столпами европейской реакции. Еще в 1873 году при деятельнейшем участии Бисмарка был заключен так называемый „союз трех императоров“, который должен был „не допускать, чтобы кому-либо удалось разлучить их на почве принципов, считаемых ими за единственно способные обеспечить и силою поддержать, если нужно, европейский мир при всяких потрясениях, откуда бы таковые ни проистекали“. Эти „принципы“ как раз и заключались в том, что Вильгельм I, Александр II и Франц-Иосиф принимали на себя роль европейских жандармов. В этом смысле острие союза было направлено против Франции, которая только что перенесла первый опыт пролетарской диктатуры—Парижскую Коммуну 1871 года. Но страх восточно-европейских монархов перед возможной революцией, которым так ловко пользовался Бисмарк для международного обеспечения Германии, хотя и продолжал оставаться одним из факторов международной политики восточно-европейских держав, все же не мог помешать тому, что раскол между Россией и Астрией по ближневосточным делам становился все ощутительней. Расширение русского капитализма в 70-х годах ставило перед русской государ-

ственностью, при ее нежелании расширить внутренний рынок путем поднятия крестьянского хозяйства, трудную задачу овладения новым внешним рынком, а таким рынком, по старым привычкам царской политики, могла являться слабая политически и отсталая экономически Турция и находившиеся под ее главенством страны Балканского полуострова. На Турцию засматривался не только русский мануфактурист,— свои расчеты были и у русского помещика. В руках турок был ключ к Черному морю—Босфор и Дарданеллы, а через эти проливы шел главным образом вывоз русского хлеба за границу. Захват проливов предотвращал возможность закрытия проливов турками и, кроме того, давал в руки русского помещика право контролировать вывоз земледельческих продуктов из других черноморских стран. Препятствовали этим вожделениям царского правительства имевшая свои интересы на Ближнем Востоке Англия и отстаивавшая свое преимущественное влияние в западной части Балканского полуострова Австрия. Последняя,—„лоскутная монархия", как ее называли,— имела в своем составе много славянских земель и совершенно не желала образования на Балканском полуострове самостоятельных славянских государств под покровительством России или просто русских владений. Австрия зорко следила за всеми движениями России, направленными против Турции. Перед началом русско-турецкой войны 1877—78 гг. русская дипломатия должна была обезопасить Россию со стороны Австрии и сделала это, предложив Австрии часть турецких владений на Балканском полуострове—Боснию и Герцеговину, взамен чего Россия получала право присоединить части Бессарабии, отнятые у нее во время крымской войны, но обязалась не создавать на Балканском полуострове больших славянских государств. Заключая Сан-Стефанский мирный договор, по которому за Турцией оставался в Европе только небольшой клочок земли с Константинополем, русская дипломатия дипломатично „позабыла" свои обещания, но принуждена была выполнить их на Берлинском конгрессе 1878 г. Австрия получила во „временное" владение Боснию и Герцеговину, Англия за свою поддержку турок—остров Кипр, а образованная Россией „Великая Болгария" была уменьшена в своих размерах выделением в особую провинцию Восточной Румелии. Правящие

круги русского общества негодовали на Бисмарка за то, что он яко бы плохо поддерживал притязания России на конгрессе, и, будучи плохо осведомлены о довоенной сделке с Австрией, возмущались тем, что австрийцы, не участвуя в войне, получили, однако, две турецких провинции. Русское правительство искусно поддерживало воинственное настроение дворянства и буржуазии, направленное против Австрии, а весной 1879 года даже запросило Италию, не поддержит ли последняя Россию в ее действиях против Австрии. Вместе с этим Александр II написал резкое письмо своему дяде, германскому императору Вильгельму I, в котором обвинял Бисмарка во враждебности по отношению к России. Все это заставило Бисмарка сделать свой выбор. 7 октября 1879 года Германия и Австрия заключили в Вене союзный и оборонительный договор, направленный главным образом против России. По этому договору обе империи должны были помогать друг другу в случае выступления России против одной из них. Вскоре после заключения австро-германского союза французы поссорились с Италией из-за владений в Северной Африке. Рядом с принадлежавшим Франции Алжиром лежал находившийся под номинальным владычеством турецкого султана Тунис. Тунис находился в нескольких часах пути от Италии и в нем жило много итальянцев, занимавшихся там торговлей. Французская буржуазия с жадностью смотрела на естественные богатства Туниса и опасалась, что в конце-концов он достанется Италии. Поэтому в 1881 году французы послали в Тунис крупную армию и захватили его. Обойденная Италия сейчас же вступила в сношения с главным врагом Франции — Германией. Бисмарк очень желал обеспечить Германию и союзом с Италией, но этому мешали натянутые отношения Италии с союзником Германии— Австрией, которая владела некоторыми областями с итальянским населением. Однако ему удалось превозмочь эту трудность. Он прямо указал Италии, что ключ от двери, ведущей в Берлин, находится в Вене. Италии пришлось договариваться и с Австрией, но в то же время Бисмарк оказал давление на Австрию, которая тоже была не очень расположена к союзу с Италией. В результате рядом с двойственным союзом Германии и Австрии образовался тройственный союз Германии, Австрии и Италии. По условиям союзного

договора, заключенного 20 мая 1882 г. в Вене, Германия и Австрия обязались притти на помощь Италии в случае нападения на нее Франции, взамен чего Италия должна была помочь Германии, если бы Франция напала на последнюю. Основным союзом, конечно, остался австро-германский, так как Австрия и Италия вступили в соглашение нехотя. Недаром одна немецкая газета называла тройственный союз „браком по расчету". Но Бисмарк все же достиг своей основной цели — вычеркнуть Италию из списка возможных врагов Германии в случае возникновения новой франко-германской войны. Образование тройственного союза имело огромное значение для будущей истории Европы,—германский империализм окончательно связал свою судьбу с австрийским и этим поставил себя во враждебное отношение к русскому империализму, при чем с годами эта вражда становится все ярче и ярче, особенно вследствие того, что к австрийским интересам на Балканах и в Турции вскоре присоединились и германские.

Русско-германские отношения в 80-х годах.

Однако образование австро-германского союза вовсе не обозначало желания Бисмарка стать в откровенно враждебные отношения с Россией. Напротив, он всячески желал достигнуть соглашения и с русским правительством. Ему удалось достичь своей цели, воспользовавшись как родственными отношениями германского и русского императорских домов [1]), так и общностью монархическо-реакционных принципов, об'единявших восточно-европейские монархии. Убийство Александра II и наличность роста революционного движения испугали Александра III, и в то время, как в России основывалась так называемая „священная" дружина для борьбы с революцией, русские и германские дипломаты пытались воскресить подобие Священного союза, возглавлявшего в начале XIX века, после наполеоновских войн, европейскую реакцию. Бисмарку кое-как удалось наладить взаимоотношения России и Австрии, и 18 июня 1881 года в Берлине был подписан акт между Германией, Австрией и Россией, по которому договаривающиеся страны обещали

[1]) Мать Александра II, жена Николая I, Александра Федоровна, была родной сестрой Вильгельма I.

друг другу соблюдать нейтралитет в случае столкновения одной из них с какой-нибудь четвертой державой, а, кроме того, Россия признавала права Австрии на Боснию и Герцеговину вплоть до окончательной аннексии последних, Австрия же обязывалась не препятствовать соединению Болгарии и Восточной Румелии в одно целое, при чем подразумевалось, что Болгария будет находиться в сфере влияния России. По существу этим договором трех императоров Бисмарк старался до некоторой степени уменьшить возможность австро-русского столкновения, которое, согласно договору 1879 г., вовлекло бы в войну и Германию, что в свою очередь могло вызвать выступление Франции. Для достижения этой цели он пытался установить и для России и для Австрии раздельные зоны влияния на Балканском полуострове—русскую на востоке и австрийскую на западе. Договор трех императоров был заключен сроком на три года и в 1884 году был продолжен еще на такой же срок, но он оказался бессильным примирить противоречивые тенденции австрийской и русской политики, и Бисмарку пришлось подумывать о том, как бы остаться в дружественных отношениях с Россией, сохраняя в то же время союз с Австрией.

Враждебность России по отношению к Австрии вызывалась целым рядом русских неудач в балканской политике. Россия, выступив „освободительницей" балканских славян, считала себя в праве распоряжаться судьбами новых балканских государств, совершенно не учитывая стремления их буржуазии к созданию своего собственного национального капитализма. Распоряжавшиеся в получившей своего собственного князя Александра Баттенбергского Болгарии русские генералы вели себя как губернаторы в какой-нибудь русской губернии и этим вызвали к себе ненависть националистической болгарской буржуазии. Русское влияние в Болгарии постепенно сошло на-нет, в то время как влияние Австрии на Балканах все усиливалось. Сербская буржуазия сильно зависела от Австрии в деле вывоза продуктов сельскохозяйственной промышленности, в частности свиноводства, а сербский князь Милан надеялся получить с помощью Австрии королевский титул и территориальные расширения. Поэтому уже в 1881 г. был заключен австро-сербский союз, который просуществовал вплоть до того, как национальные

стремления Сербии сделались чересчур опасными для Австрии с ее славянским населением. Румыния, обиженная тем, что Бессарабия отошла после русско-турецкой войны к России, также заключила союз с Австрией, прямо направленный против России. К этому австро-румынскому союзу, заключенному в 1883 г., примкнула и Германия. Таким образом русская дипломатия, несмотря на все подкупы и интриги, терпела на Балканах поражение за поражением, и Александр III был по-своему прав, предложив как-то на обеде тост за своего „единственного друга", князя Николая Черногорского. Этот „единственный друг" обладал, надо сказать, большим талантом по части выпрашивания денежных подачек в Петербурге. Австрия не только добилась преобладающего влияния на Балканах путем заключения прямых союзов и постройкой сети железных дорог,—в 1887 году она заключила соглашение с Англией и Италией относительно сохранения существующего порядка в Средиземном море, а, главное, во всех турецких владениях. Эта „средиземноморская Антанта" [1]), правда, давала возможность и Италии заявить о своих интересах на Балканах, но зато полагала предел всяким завоевательным стремлениям России, направленным против Турции. Бисмарк, много раз заявлявший, что Германия вовсе не желает поддерживать австрийские притязания на Балканах, и сказавший в одной из своих речей, что Болгария „не стоит костей хотя бы одного померанского гренадера", видел, что Австрия прекрасно обеспечила себя в Турции и на Балканах, и решил воспользоваться плохим дипломатическим положением России, чтобы обеспечить Германию соглашением с Россией даже без участия Австрии, так как ему было хорошо известно, что австрийские успехи до того раздражали русское правительство, что оно и слышать не хотело о дальнейших соглашениях с Австрией. События 1886—87 гг. еще более толкнули Бисмарка на этот путь. Во Франции шла жестокая агитация за войну с Германией, поднятая стремившимся захватить в свои руки власть генералом Буланже, а Россия увеличивала чис-

[1]) Слово Антанта (французское entente) приобрело популярность после заключения т. наз. «entente cordiale» (сердечное соглашение) между Францией и Англией в 1904 году, но в дипломатическом языке употреблялось и раньше.

ленность своей армии, нисколько не скрывая, что ее вооружения направлены против Германии и Австрии. Германия ответила на это увеличением своей армии, но Бисмарк и при этом условии не хотел рисковать войной. Он прекрасно знал, что война на два фронта, против России и Франции, будет войной до конца, что противники будут стараться совершенно обескровить друг друга, и потому пустил в ход свой главный козырь, пообещав царскому правительству не препятствовать захвату Константинополя. На место соглашения трех императоров, срок которого истек в 1887 году, 27 июня 1887 г. был заключен между Россией и Германией знаменитый договор „с двойным дном". Он назывался так потому, что к этому секретному договору, который обязывал Россию и Германию к взаимному нейтралитету в случае нападения на одну из них какой-либо третьей державы, был приложен еще более секретный протокол, согласно которому Германия соглашалась „в случае, если царь будет вынужденным принять на себя защиту входа в Черное море в целях ограждения интересов России... соблюдать благожелательный нейтралитет и оказывать моральную и дипломатическую поддержку тем мерам, к каким он найдет необходимым прибегнуть для сохранения ключа к своей империи". Таким образом, застраховав Германию от нападения России союзом с Австрией, Бисмарк перестраховал себя договором с Россией от нападения Франции. Можно сказать, что эта „перестраховка" была настоящим успехом бисмарковской политики. Германия получала от России обязательство сохранить нейтралитет в случае нападения Франции, а взамен давала и очень много и ничего. Бисмарк обещал России Константинополь, который находился для русского правительства за семью замками, пока существовала средиземноморская Антанта Австрии, Англии и Италии. Действительно, Бисмарк, как однажды выразился Вильгельм I, был в своем дипломатическом искусстве похож „на жонглера на лошади, который жонглирует пятью мячами и ловит их каждый раз". Но и это дипломатическое жонглирование Бисмарка не могло прикрыть начавшегося в 1879 году расхождения России и Германии. Не только австрийская политика на Балканах была корнем этого расхождения. Немалое значение имела здесь таможенная война между русскими и германскими

помещиками. Россия вывозила свою рожь почти исключительно в Германию, а так как цена хлеба на мировом рынке падала в 70-е, 80-е, 90-е годы, и прусский помещик стал терять свои доходы, то германское правительство ввело ввозные пошлины на хлеб: 10 марок с тонны — в 1880 г., 30 марок — в 1885 г. и даже 50 — в 1887 г. Благодаря этим пошлинам германский помещик мог, не боясь конкуренции заграничного хлеба, безнаказанно повышать цены на муку и зерно на своем внутреннем рынке. Русский же помещик прямо застонал, потеряв возможность прибыльного вывоза. Россия ответила Германии четырехкратным повышением пошлин на все товары, которые привозились из Германии. Германия в свою очередь не осталась в долгу и стала ставить всяческие препятствия ввозу русского скота, а также препятствовала биржевым операциям русского правительства. Это последнее обстоятельство послужило окончательным толчком к русско-французскому сближению.

Образование двойственного союза.

Великая французская революция разгромила экономическую и политическую мощь французского дворянства, и оно могло только временно вернуться к власти в эпоху 1815—30 гг. Спасаясь от начавшихся выступлений французского пролетариата, буржуазия Франции принуждена была вверить свою защиту уже не сломленному ею дворянству, а просто наемной генеральской сабле. В этом и заключалась сущность так называемого бонапартизма — той политической системы, которая господствовала во Франции в эпоху 1851 — 71 гг. Власть Наполеона III, поддерживавшаяся авантюристами из всех слоев общества, давала французской буржуазии достаточную защиту от внутреннего врага и некоторую возможность расширения на внешних рынках. Однако, Наполеон III оказался в конце-концов плохим приказчиком для французского буржуа, и жалкое крушение Второй Империи в связи с выступлением Парижской Коммуны поставило перед руководящими классами французского общества прежний вопрос о закреплении капиталистических порядков во Франции. Если с внутренним врагом со времени расправы над Парижской Коммуной французская буржуазия кое-как научилась расправляться сама, то для укрепления Франции

в международной политике — вопросе, ставшем особенно острым с началом империалистической политики, — были необходимы союзники. Русский царизм являлся не только таким желанным союзником для поднятия французского влияния во внешней политике, но благодаря своей реакционности он мог служить прекрасным оплотом французской буржуазии для подавления революционного движения, а кроме того, давал широкое поле для вывоза французского капитала. Последняя возможность была чрезвычайно привлекательной и для царского правительства. Нужда последнего в деньгах была очень острой и в конце 80-х, и в начале 90-х годов XIX века. Деньги требовались и на восстановление курса русского рубля, и на операции по прежним займам, и на сооружение сети железных дорог, и на растущие вооружения. На берлинской бирже чинились всевозможные препятствия, и в этот затруднительный для русских финансов момент стали получаться заманчивые предложения французских банкиров. Короли французской биржи начали свои предложения уже в 1886—87 гг. Корреспондент влиятельных тогда „Московских Ведомостей" сообщал обер-прокурору святейшего синода Победоносцеву, что группа первоклассных французских банкиров хлопотала о разрешении устроить банк в двести миллионов франков металлической валюты, который бы удешевил в России кредит, а в случае войны мог бы предоставить в распоряжение России миллиарды. В 1888—89 гг. эти французские предложения претворились в действительность, и царское правительство получило на парижской бирже около 2.800 миллионов франков. При заключении этих займов довольно щедро давались взятки, в которых был замешан и русский министр финансов Вышнеградский. Ко времени окончательного закрепления франко-русского союза в 1892 году французская биржа уже успела ссудить русскому правительству почти четыре миллиарда франков. Одновременно с этим во Францию стали передаваться заказы и на русское военное снаряжение. Следствием этих событий был обмен сообщениями французского и русского правительств от 21—27 августа 1891 г., по которому, „если одна из двух договаривающихся держав оказалась бы в опасности нападения, они соглашаются совместно обсудить меры, которые по этому поводу должны быть при-

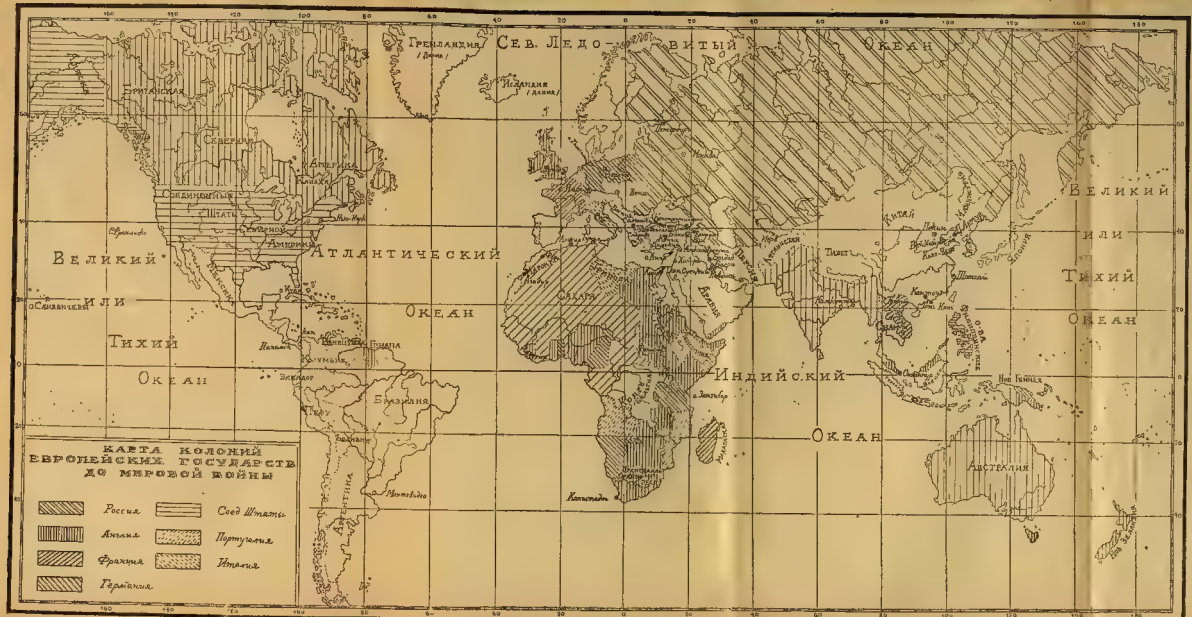
няты". В 1892 году к этому, сравнительно неопределенному договору была добавлена военная конвенция, которая выполнила заветные мысли французской буржуазии—иметь в своем распоряжении внушительную военную силу на случай внешних осложнений. По этой конвенции Россия должна была выступить в случае нападения Германии или Италии на Францию, а Франция обязывалась воевать с Германией, если бы Россия подверглась нападению со стороны Германии или Австрии. Обе стороны условливались не заключать отдельного мира, определяли численность выставляемых против общих врагов армий и, что всего любопытней, заключали свою конвенцию на срок, равный сроку германо-австро-итальянского союза. Таким образом в политической системе Европы были противопоставлены друг другу две комбинации великих держав—тройственный союз Германии, Австрии и Италии и двойственный союз России и Франции. В связи с истечением срока договора 1887 г., который не был возобновлен, Россия оказалась без какого-либо союзного соглашения с Германией, и традиции соглашения трех императоров для сохранения монархическо-феодальных порядков в Европе лопнули. Напрасно Вильгельм II писал Николаю II: „Французская республика является детищем Великой революции и пропагандирует ее идеи... Ники [1]), запомни мое слово, вечное проклятие заклеймило этот народ навсегда. Мы, христианские короли и императоры, имеем одну священную обязанность, возложенную на нас небом, — поддерживать принцип: „божьей милостью" [2]). Президенты республиканской Франции получали высший орден монархической России — Андрея Первозванного, а такому столпу русской реакции, как Александр III, пришлось при посещении Кронштадта французской эскадрой прослушать с непокрытой головой „Марсельезу", исполнение которой было запрещено в России. Русский самодержец раскланивался перед французской биржей, а в 1896 г. французская биржа, руководи-

---

[1]) „Ники" (Nicky) — уменьшительное имя, которым называли Николая II близкие родственники и приятели.

[2]) „Божьей милостью" — термин, которым феодально-крепостнические монархи утверждали в своих титулах „божественное" происхождение своей власти: например, „мы, божьей милостью, Вильгельм II, император германский, король прусский и пр. и пр.".

истории современного империализма".



мая французской буржуазией, восторженно принимала в „республиканском“ Париже его сына. Ближайшим результатом франко-русского союза для германо-русских отношений было смягчение таможенной войны между Россией и Германией. Германия уже не могла больше расчитывать на одиночество России в международной политике, и в 1894 г. граф Витте заключил с Германией торговый договор, по которому Германия снизила пошлины на русский хлеб, а Россия на германские промышленные изделия. У этого договора была интересная судьба: он был заключен на десять лет, и России пришлось его возобновлять в обстановке неудачной русско-японской войны. Разумеется, это возобновление произошло на невыгодных для России условиях,—это была расплата за нейтралитет Германии на западной русской границе. Срок нового договора истекал в 1914 г., и мировая война была, между прочим, одним из способов его перезаключения.

Положение Англии.

Англия вплоть до конца XIX века оставалась вне всех этих дипломатических комбинаций, заключавшихся на Европейском материке. Английская буржуазия чувствовала себя очень прочно внутри страны, так как происшедшая еще в XVII веке английская революция предоставила политическую власть в стране союзу английских дворян-землевладельцев и крупной буржуазии. С тех пор, как вся английская буржуазия получила политические права, Англия сделалась первой промышленной страной во всем мире, а находившее себе целый ряд выгодных занятий в колониальной политике английское дворянство поддерживало экономическое господство буржуазии внутри страны. Английский пролетариат обладал лучшим рабочим законодательством, чем рабочие других стран, и, будучи сравнительно обеспечен во время экономического процветания Англии, не отличался особой склонностью к революционным выступлениям. Эта эпоха сравнительного гражданского мира продолжалась до тех пор, пока господство Англии на внешнем рынке не было поколеблено усиливавшимся экономическим развитием Германии. Но это обстоятельство стало ясным только к концу 90-х годов XIX столетия, когда Англии пришлось выйти из состояния своей „блестящей изолированности“, как называл положение

Англии в международном отношении один из ее министров иностранных дел. В эпоху 80-х и 90-х годов Англия самостоятельно преследовала свои политические цели и благодаря огромности своей колониальной империи сталкивалась с интересами других стран почти что во всех частях света.

Раздел Африки.

Англии пришлось играть главную роль при разделе Африканского континента. Там она столкнулась главным образом с интересами Франции. Это было особенно заметно при английском расширении на севере Африки. Уже в 1875 г. английский министр иностранных дел лорд Биконсфильд-Дизраэли, одна из наиболее ярких фигур эпохи раннего империализма, скупил акции Суэцкого канала [1]). Владычество над этим кратчайшим путем из Средиземного моря в Индийский океан было необходимо Англии для охраны своих индийских владений, этой „жемчужины английской короны", как называли Индию, но одно овладение Суэцким каналом еще не служило достаточной гарантией, и потому английский империализм начинает прочно основываться в принадлежавшем Турции Египте, куда английского хлопчатобумажного фабриканта привлекали еще и плантации египетского хлопка. Это стремление английского империализма было сравнительно легко осуществимо по причине того, что правители Египта находились в неоплатном долгу у европейских держав, главным образом Англии и Франции, и представители последних хозяйничали в Египте, как у себя дома. Этот контроль чужеземцев вызвал восстание египетского населения под лозунгом „Египет для египтян". Во главе восстания встал египетский офицер Араби-паша. Франция, подозрительно относившаяся к действию англичан, предлагала договориться с восставшими. Этой нерешительностью французского правительства воспользовалась Англия и послала в Египет военную экспедицию, которая разбила Араби-пашу, а в 1883 г. туда прибыл под скромным титулом генерального консула и дипломатического представителя Англии сэр Беринг, вскоре оказавшийся фактическим правителем Египта. Усилия французского

[1]) Канал был построен первоначально французской компанией по проекту и под руководством замечательного французского инженера Фердинанда Лессепса.

правительства изменить создавшееся в Египте положение были тщетны, и в 1886 году Суэцкий канал был об'явлен нейтрализованным, но за Египтом было оставлено право полицейского надзора за каналом, что давало возможность захватившей Египет Англии в случае войны взять под свой контроль и закрыть канал [1]). Правда, Англия об'явила оккупацию Египта лишь временной мерой, но вряд ли кто обманывался насчет этой „временности". Хозяйничанье европейцев в Африке вызвало там большое восстание мусульманского населения под предводительством религиозного вождя „Махди". Первоначально махдисты имели некоторый успех, и попытки англичан распространить свое влияние на находившийся в зависимости от Египта Судан сначала потерпели неудачу. Только в 1898 г. английский генерал Китченер [2]) разбил махдистов при Омдурмане и присоединил Судан к Египту. Расправа Китченера над повстанцами была очень жестока: махдисты, плохо вооруженные пиками и стрелами, были загнаны в тупик и расстреляны из пушек и пулеметов. Французы, уже захватившие Тунис и целый ряд территорий в Западной и Центральной Африке, пытались в свою очередь пробиться к Египту и Восточному Судану с запада, и в этом же 1898 году французский полковник Маршан добрался до Фашоды в бассейне истоков Верхнего Нила и водрузил там французский флаг. Но Англия отнюдь не желала допустить какую-либо европейскую державу к подступам к Египту и заявила против действий французов решительный протест, грозя в случае неисполнения своих требований разрывом дипломатических сношений. Франции пришлось отозвать Маршана обратно и ограничиться уже сделанными захватами. Конечно, в результате Египта и Фашоды произошло определенное расхождение между английским и французским империализмом.

Выступила на путь создания африканских колоний и Германия. Уже в 1879 году некий Фабри доказывал, что Германии нужны колонии как для помещения избыточного населения, так и для торговли. Сам Фабри, вышедший из миссионерских

---

[1]) Что в действительности и случилось во время войны 1914—1918 гг

[2]) Гораций Китченер, впоследствии граф, начальник штаба английской армии, воевавшей с бурами, военный министр в эпоху мировой войны. В 1916 г., направляясь в Россию, был потоплен германской подводной лодкой.

кругов, отмечал, что за распространителями христианства, миссионерами, на черном континенте являются торговцы, которые для своей охраны нуждаются во вмешательстве государства. Бисмарк был не очень склонен следовать призывам Фабри и его единомышленников, но энергичные действия некоторых германских купцов, столкнувшихся в Африке с англичанами, заставили германского канцлера действовать более решительно. Эти купцы стали самостоятельно присваивать себе куски земли на африканском континенте, надувая при этом собственников этих земель, различных негритянских князьков. Так, гамбургский купец Людериц приобрел на западном берегу Африки у одного готтентотского вождя целую бухту с прилегающей областью за 80 фунтов стерлингов (800 руб.) и двести старых ружей. Эти захваты стали беспокоить англичан, которые начали выживать немцев из приобретенных последними территорий. Теперь Бисмарк не мог уже оставаться в стороне, тем более, что и гамбургская торговая палата стала поддерживать своих сочленов. Англичане не желали уступать, присваивая себе таким образом какое-то особое право распоряжаться непринадлежавшими еще им африканскими территориями, но натянутые отношения Англии с Францией из-за Египта были прекрасно использованы Бисмарком, по договорам 1885—86 гг. Германия получила ряд колоний как на западном, так и на восточном берегах Африки. Правда, Англия не оставалась в накладе, так как одновременно с германскими захватами производились и английские,—можно сказать, что англичане следовали за немцами по пятам во всех попытках приобретения земель в Африке. Вдобавок в 1890 г. Германия и Англия произвели перераспределение своих захватов на восточном берегу Африки, и так как Германии нужно было получить в свое владение необходимый ей в стратегическом отношении европейский остров Гельголанд[1]), то ей пришлось удовольствоваться значительно худшими территориями. Знаменитый путешественник по Африке Стэнли выразился по поводу этого обмена так: „Англия получила новенький фрак, отдав взамен только пуговицу от панталон".

---

[1]) О-в Немецкого моря, расположенный против устьев Эльбы и Везера и находящийся в расстоянии около 150 км от Гамбурга и около 125 км от Бремена. Выменяв его у англичан, немцы устроили из него неприступную морскую крепость.

Еще более богатая добыча досталась англичанам в Южной Африке, где они действовали одни, без европейских конкурентов. Там действовал Сесиль Родс, один из самых хищных и талантливых представителей английского империализма. Англия уже давно владела землями в Южной Африке, но основанное Родсом в 1884 г. Южно-Африканское общество очень быстро прибрало к рукам почти всю Южную Африку за исключением двух небольших республик, основанных голландскими выходцами,—Трансвааля и Оранжевой.

Жители этих республик, так называемые буры, занимались скотоводством и земледелием, но в их стране было найдено золото и бриллианты, и, разумеется, жадные взоры Родса и его соратников были устремлены на столь лакомый кусок. Будущий предводитель буров в борьбе за независимость Жубер сказал после открытия этих золотых россыпей: „Это золото будет причиной того, что наша страна будет залита кровью", и эти слова оказались пророческими. Родс совершенно сознательно шел к об'единению всей Южной Африки под английским владычеством. Империалистическое расширение было для него своеобразным средством разрешения социального вопроса. В 1895 году он прямо заявил: „Моя заветная идея есть разрешение социального вопроса: чтобы спасти 40 миллионов жителей Соединенного королевства от убийственной гражданской войны, мы, колониальные политики, должны завладеть новыми землями для помещения избытка населения, для приобретения новых областей сбыта товаров, производимых на фабриках и в рудниках. Империя, я всегда говорил, есть вопрос желудка. Если вы не хотите гражданской войны, вы должны стать империалистами". Это было сказано под впечатлением от митинга лондонских безработных, которые требовали себе хлеба. У Родса слово не расходилось с делом: Южно-Африканское общество не стало дожидаться официального выступления Англии, и отряд войск, состоявших на службе у общества, вторгнулся в Трансвааль под предводительством приятеля Родса, д-ра Джемсона. Но Джемсона постигла неудача,—он был разбит и взят в плен бурами. Вскоре был найден предлог для официального вмешательства английского правительства: буры отказывались давать право гражданства тем англичанам, которые стали заполнять их страну для разработки золота. Перего-

воры, которые велись англичанами с заранее обдуманным намерением—довести дело до аннексии бурских государств, не привели ни к чему, и с 1899 г. по 1902 г. шла непосильная борьба маленьких бурских республик с Британской империей, при чем победитель махдистов Китченер не стеснялся средствами в этой борьбе—запирал пленных буров и их семейства в концентрационные лагери и всячески притеснял оставшееся в своих домах население. Сопротивление буров было окончательно подавлено только в 1902 году, и Англия оказалась обладательницей всей Южной Африки с ее огромными естественными богатствами, главным образом золотыми и алмазными приисками. Впоследствии, в 1910 г., южно-африканские колонии Англии образовали самоуправляющийся Южно-Африканский Союз.

Во всем этом дележе Африки, в котором, кроме упомянутых уже европейских государств, принимали участие Италия, Бельгия и выступавшая в качестве подручника Англии Португалия, Британской империи досталась львиная доля, и немудрено, что у английских империалистов появилась мысль о соединении грандиозным рельсовым путем Капштадта и Каира и соединении, таким образом, африканских владений Англии в одно экономическое целое. Но этот проект требовал новых захватов, в частности в областях германской Африки, и этим самым подготавливалась почва для англо-германского конфликта. С другой стороны, Германия считала себя все более и более обделенной по мере того, как росло ее экономическое развитие. А оставшиеся еще незахваченными немногочисленные куски африканской территории, как Марокко и Триполи, возбуждая аппетиты европейских империалистов, несли в себе зародыши новых конфликтов, разрешение которых не раз грозило войной в еще более насыщенной империалистическими замыслами атмосфере начала XX столетия.

Европейский империализм в Азии.

Соперничество крупных империалистических держав ограничивалось разделом африканских колоний. Другим обширным полем для этого строительства служил Азиатский континент. Разница заключалась только в том, что в Азии об'ектом империалистической политики служили не столько чистые колонии, сколько полуколонии, т.-е. территории государств

с очень древней цивилизацией, но не вступивших на путь капиталистического развития—Китая, Персии, Турции. Французское правительство, стремившееся возместить урон от неудачной франко-прусской войны, после захвата Туниса обратилось к захвату западных провинций Китая — Тонкина и Аннама, но эта деятельность французов сразу обратила на себя внимание англичан, зорко оберегавших все подступы к своей Индийской империи. В то время как французы намеревались захватить в свои руки Сиам, чтобы сделать из соседней Сиаму Бирмы буферное государство между английскими владениями в Индостане и французскими в Индо-Китае, английское правительство предупредило французские замыслы и захватило Бирму в 1885 г. В результате начался длительный конфликт между Англией и Францией, желавшей получить в Сиаме особые права. Сиам, тайно поддерживаемый Англией, сопротивлялся французским требованиям, и Франция подвергла его блокаде, снятой только по требованию Англии. Завершение англо-французского конфликта последовало только в 1896 г., когда спорные границы и сферы влияния были установлены, но, конечно, и это установление не могло сгладить завязавшегося в Африке колониального соперничества Англии и Франции.

Если на почве охранения подступов в Индию на юге Англия столкнулась с Францией, то на севере Индии угрожало русское продвижение в Средней Азии. В январе 1881 г. русский генерал Скобелев взял приступом оплот туркменов, крепость Геок-Тепе, при чем во время штурма было вырезано более 20.000 жителей. Дальнейшее продвижение русских, приведшее к занятию Мерва и лежавшего на границе Афганистана оазиса Пенджэ, вызвало крайнее беспокойство в правительственных кругах Англии, так как Англия еще в 1881 г. устами статс-секретаря по делам Индии Гардингтона заявила, что она не потерпит какого-либо вмешательства в дела Афганистана. Разумеется, это горделивое заявление обозначало только, что Англия считает Афганистан входящим лишь в ее собственную сферу влияния. Заключенное в 1887 году соглашение определило русско-афганскую границу, оставив Афганистан во владении стратегически важным Зульфикарским перевалом. И здесь англо-русский конфликт остался по существу неразрешенным, — Англия уже успела укрепить свое

влияние в Афганистане, эмир которого был принужден допустить в свою столицу Кабул английскую миссию и согласиться на английский контроль во внешней политике.

Гораздо сложнее сплелись нити международной политики на Дальнем Востоке. Огромная Китайская империя представляла столь лакомый кусок для европейского империализма, что там столкнулись интересы почти что всех держав империалистической Европы. С севера на Китай напирал русский империализм, который в 1891 году начал постройку сибирского пути, на юге действовали англичане, создавшие опорный пункт в Гонконге. Заявлял о своих интересах и германский капитализм. Кроме того в Японии произошел целый переворот, показавший, что может произойти при усвоении азиатскими государствами европейской техники. Япония пересадила к себе техническую культуру Европы, обзавелась армией и флотом, обученными на европейский образец. В 1894 году Япония нанесла решительное поражение Китаю, и последний был принужден заключить мир, по которому уступил Японии остров Формозу, Ляодунский полуостров и обязывался уплатить большую контрибуцию. Выступление нового претендента на „китайское наследство" не могло прийтись по вкусу европейским империалистам, в особенности России, которая собралась вывести сибирский путь не только к Японскому морю, во Владивосток, но и к Желтому морю, в лежащий на Ляодунском полуострове Порт-Артур. Именно в этом заключалась программа медленного, но верного внедрения русского капитализма в Манчжурию, программа, которая отстаивалась таким ловким проводником планов русской буржуазии, как граф Витте. Присоединение Японией Ляодунского полуострова вызвало общий протест России, ее союзницы Франции и Германии. Поддержка Германии об'ясняется тем обстоятельством, что Германия в лице Вильгельма II усиленно толкала Россию на дальневосточные авантюры, чтобы все время вызывать англо-русские трения и в то же время отвлечь внимание России от ближневосточных дел: на выступление и на Ближнем и на Дальнем Востоке сразу русский империализм не был способен. Японии пришлось отказаться от Ляодунского полуострова и ограничиться лишь увеличением китайской контрибуции, но заступившиеся за Китай державы поспешили вознаградить себя за счет

Китая же. Воспользовавшись убийством двух германских миссионеров, Германия заняла в 1897 году бухту Кьяо-Чау (г. Тзинь-Тау) и добилась от Китая аренды этой бухты на 12 лет, с правом постройки железной дороги. Там был основан хорошо оборудованный и обстроенный немецкий город, ставший опорным пунктом для проникновения германского капитала в Китай. Примеру Германии немедленно последовала и Россия, заключив с Китаем арендный договор о пользовании портами Порт-Артур и Та-Лянь-Ван (Талиенван) на Ляодунском полуострове. Аренда была заключена на 25 лет с правом возобновления, при чем Россия выговорила себе право постройки военной гавани в Порт-Артуре, коммерческой гавани в Та-Лянь-Ване, который был переименован в Дальний, и расширения уже полученной в 1896 г. концессии на постройку Восточно-Китайской железной дороги путем сооружения новой соединительной ветви от главной магистрали до Дальнего. Россия таким образом охватила своими железнодорожными линиями как Северную, так и Южную Манчжурию, устраивая там преобладание своей торговли и подготавливая военную оккупацию этих китайских провинций. Англичане, правда, тотчас вознаградили себя захватом еще одной китайской гавани Вей-Хай-Вея, но все же считали себя обделенными и стали налаживать свои сношения с Японией, чтобы иметь в лице последней готового союзника против России. Уже давно бродившее в Китае национальное движение против европейцев вылилось в форму восстания в Пекине и убийства германского посла Кеттелера. В 1900 г. в Китай была отправлена международная карательная экспедиция для подавления этого „боксерского“ восстания, и Китай должен был согласиться на целый ряд унизительных уступок. Россия снова проявила сравнительную мягкость к об'екту своей эксплоатации, но и вознаградила себя соответственным образом, оставив свои войска в Манчжурии как бы для поддержания порядка. Эта манчжурская политика русского правительства и появление русских отрядов в Монголии привели к заключению англо-японского союза в 1902 г. Россия и Франция из'явили свое „удовольствие“ по поводу нового союза, который, как гласила вступительная статья, должен был поддерживать существующий порядок и мир на Дальнем Востоке, но ни для кого не было

секретом, что его острие было направлено против России, а особенно против русских домогательств в Корее, которая считалась в Японии естественной целью японской завоевательной политики.

Германская политика, толкавшая Россию на Дальний Восток,—недаром Вильгельм II возлагал на Николая II „возложенную небом" задачу быть защитником „креста и старой, христианской, европейской культуры против вторжения монголов и буддизма", — сама отличалась особой энергией на Ближнем Востоке. Уже давно известный германский экономист Лист и фельдмаршал Мольтке, сделавший часть своей карьеры в Турции, мечтали о распространении германского влияния в Азиатской Турции. В самом конце 80-х годов группа германских капиталистов, возглавляемых Немецким банком, получила концессию на эксплоатацию железной дороги от Константинопля до Исмида с правом продолжения этой линии до Ангоры. Затем эта железная дорога была продолжена и в 1891 году достигла Конии. К этому времени заинтересованность германского промышленного и банковского капиталов в Турции дошла до того, что германским представителем в Турции был назначен один из опытнейших немецких дипломатов, барон Маршаль фон Биберштейн, задачей которого было сделать из Турции придаток к тройственному союзу Германии, Австрии и Италии. Вслед за Маршалем в Турцию направился и сам Вильгельм II, произнесший благочестивые речи в Иерусалиме и Вифлееме, а в Дамаске заявивший: „Пусть знают султан и 300.000.000 мусульман, рассеянных по всему миру, что германский император будет им всегда другом". В своей берлинской речи, произнесенной после возвращения из путешествия, Вильгельм II раскрыл смысл своих пышных речей, упомянув о том, что „мое путешествие поможет открыть новые области для германской предприимчивости и германской энергии". Действительно, в 1899 г. Германия получила концессию на постройку железной дороги вплоть до Багдада. Теперь перед Англией появился на Ближнем Востоке гораздо более опасный соперник, чем Россия. Последняя, конечно, далеко не отказалась от своих планов захвата Константинополя и еще в 1896 году тайком обдумывала приготовление к военной экспедиции для овладения „ключами своего дома", но эта экспедиция оста-

лась лишь в проекте по причине неблагоприятной международной обстановки, а Германия грозила создать из Турции мощный рычаг против английских владений на Ближнем Востоке, начиная с Египта и кончая даже Индией. Поэтому Англия ведет энергичную пропаганду против германского проекта Багдадской дороги и в Париже и в Петербурге и в конце-концов захватывает Ковейт, преграждая таким образом путь к Персидскому заливу. Любопытно, что заключительная германско-турецкая конвенция по поводу Багдадской дороги, заключенная в 1903 г. и дававшая компании Багдадской дороги разрешение на разработку минеральных богатств в пределах 20 километров с каждой стороны железнодорожного пути, на сооружение в Багдаде порта и пользование судоходством для нужд транспорта, повела к германскому предложению, чтобы и английский капитал принял участие в этом грандиозном предприятии. Стоявший во главе английского министерства Бальфур указывал английскому парламенту на нежелательность того, чтобы „кратчайший путь в Индию находился в иностранных руках“, и считал, „что эта великая интернациональная артерия должна находиться в руках трех держав, а не двух или одной“; но призывы министра не подействовали на парламент, и германское предложение было отклонено под тем предлогом, что Германия не давала другим державам равноправного участия в постройке. Действительно, при окончательном дележе паев Багдадской дороги на долю немцев досталось 15 частей, на долю французов 6 и бельгийцев 3 части. Во всем этом ясно сказалось, что дележ мира между крупными об'единениями капиталистов служит весьма плохой гарантией мира, что каждое такое об'единение стремится к монопольному завладению данным об'ектом эксплоатации. Германские банки стремились к монополии в сооружении багдадского пути, а представлявший интересы английского капитализма парламент предпочел совсем отказаться от участия в предприятии, в котором он считал себя обделенным. За этим фактом скрывалась начавшая к этому времени окончательно складываться непримиримая вражда германского и английского империализма. Багдадская дорога была тем местом, где английский империализм получил наиболее чувствительный укол, она представляла собой как бы шип, воткнутый

в ближневосточные сферы английского влияния, и прямую угрозу Египту и Индии. Мысль о том, что русское влияние в Турции менее опасно, чем германское, стала закрадываться в головы английских политиков, которые были таким образом принуждены выбирать из двух зол меньшее. А за этой ближневосточной политикой стояла и европейская борьба Германии и Англии за торговлю и владычество на море. Вытеснение английских изделий германскими вызвало в Англии целый поход против клейма „Made in Germany" (сделано в Германии), которым снабжались германские товары, и уже в 1897 году один английский журнал находил, что Англия только выиграла бы от уничтожения Германии. Вдобавок, во главе германского флота был поставлен сторонник морских вооружений, адмирал фон-Тирпиц, внесший в 1897 г. в германский рейхстаг свой первый морской законопроект, который предусматривал создание большого германского флота. Со свойственной ему болтливостью Вильгельм II подчеркнул этот факт в своей данцигской речи, заявив: „Наше будущее лежит на воде". Эти слова, сказанные в 1898 году, конечно, послужили только к обострению английской вражды, которая нашла себе такое яркое выражение в багдадском конфликте. Старик Бисмарк, при котором произошло создание Германской империи, посетив Гамбург, был поражен непривычным для него зрелищем. „Это действительно новая эпоха и новый мир!" воскликнул он. Он увидел своими глазами, как на место „насыщенной", по его мнению, Германии стала Германия ненасытная, как, впрочем, и всякая другая империалистическая держава. Но у этой империалистической Германии, кроме враждебного франко-русского союза, был готов и еще один враг в виде Англии. Мировая политика вступила на путь англо-германского соперничества, которое в своем конечном результате и привело к мировой войне.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

КЛАССИЧЕСКИЙ ПЕРИОД ИМПЕРИАЛИЗМА (1900—1914).

Англо-германское соперничество.

Еще во время англо-бурской войны международное положение Англии было настолько плохо, что Чемберлен был не прочь от переговоров с Германией. Франция не могла забыть фашодского инцидента, а Россия пробовала даже устроить дипломатическое вмешательство в борьбу бурских республик с Великобританской империей. Однако, попытки Чемберлена, вызванные как политическим одиночеством Англии, так и заминкой в английской торговле за период англо-бурского столкновения, встретили весьма мало сочувствия в Германии, да вряд ли они могли расчитывать на длительную поддержку и в самой Англии. После аннексии бурских республик в 1902 г. и производство и торговый оборот Англии сильно расширились: в 1902 г. изделий из железа и стали было вывезено 2.371 миллион тонн, а в 1905 г.— 2.739 милл. тонн, стоимость вывоза шерсти оценивалась в 1902 году в 20 миллионов фунт. стерл., а в 1905 году в 25,8 милл. фунт. стерл. Интересно отметить, что за этот же промежуток времени английский ввоз возрастал не в такой сильной степени, и таким образом превышение ввоза над вывозом все время уменьшалось. Германская торговля тоже увеличивалась, но не в такой степени, как английская, и, кроме того, германский ввоз возрастал сильнее вывоза. Разумеется, эта зависимость Германии от иностранного ввоза сильно озабочивала правящие круги германского общества. Колониальная империя Англии как бы дразнила германский империализм своими неисчерпаемыми запасами сырья и возможностями вывоза в нее капитала. За время с 1861 г. по 1912 г. английский вывоз из колоний увеличился в четыре раза, треть английского вывоза в 1912 г. шла в колонии, и

там же к этому времени была помещена половина всего вывезенного из Англии капитала. Кроме того, эксплоатация колоний позволяла английской буржуазии давать сравнительно высокую заработную плату рабочим в самой Англии и тем самым удерживать английский пролетариат от революционных выступлений. Таким образом благополучие английской буржуазии было тесно связано с целостью английских колоний, но как раз именно в этом отношении германский империализм, чересчур поздно приступивший к колониальному расширению, и чувствовал себя обойденным, а растущая зависимость Германии от иностранного сырья могла подлить лишь масла в огонь. Поэтому морские вооружения Германии были вопросом, всего острее затрагивавшим английский империализм. Безусловное владычество Англии на море было краеугольным камнем английской империалистической политики, а деятельность поставленного во главе германского флота адмирала Тирпица грозила английскому владычеству над морями. Принятые германским правительством меры к увеличению германского военного флота повлекли за собой напряженную деятельность английского адмиралтейства, несмотря на то, что еще к 1904 г. германский военный флот составлял всего четверть английского и никакой серьезной опасностью для Англии не угрожал. Технические усовершенствования в постройке броненосцев еще более разожгли морское соперничество Англии и Германии. С 1906 г. место прежних броненосцев заняли „дредноты“ [1]) — броненосцы, обладавшие более быстрым ходом и более мощной артиллерией. Сила дреднота равнялась приблизительно силе трех прежних броненосцев. Благодаря этому нововведению значение военных судов старой постройки, на которых основывалось преимущество английского флота, сразу упало. Сравнительная сила английского и германского флотов стала зависеть от количества дреднотов, а в их сооружении Германии было легче догонять Англию, так как и той и другой державе пришлось строить свою морскую мощь как бы заново. Это обстоятельство было прекрасно учтено Германией, и один из виднейших представителей германского

[1]) Дреднот (dreadnaught)—бесстрашный—было имя первого из броненосцев новой конструкции, ставшее нарицательным. Впоследствии появились броненосцы еще большей мощности, получившие название «сверхдредноты».

империализма Пауль Рорбах выразил его следующим образом: „Благодаря дреднотам военные корабли старой постройки были обесценены для обеих сторон, и Германия в этом случае значительно легче могла догнать Англию, чем при прежнем, уже сложившемся четверном или тройном перевесе английских морских сил". К 1914 г. соотношение английских и германских военных сил на море должно было равняться по количеству дреднотов 16 : 10, и Англии уже было невозможно удержать свое старое правило, что ее флот должен равняться вместе взятым флотам двух сильнейших за Англией морских держав. Опасения английского правительства были настолько велики, что один из его представителей—морской министр лорд Фишер—в 1908 г. предлагал втихомолку напасть на германский флот и пустить его в 24 часа ко дну. Возможность таких проектов наглядно показывает всю напряженность англо-германских отношений, разразившуюся мировой войной 1914—18 гг.

Образование Антанты. Сближение Англии и Франции.

Несмотря на обострение англо-французских отношений в конце XIX века, Франция была для Англии гораздо более приемлемой союзницей, чем Германия. Колониальные интересы Франции, пострадавшие при захвате Египта и Восточного Судана, могли быть удовлетворены в другом месте, и таковое как раз нашлось в виде Марокко. Франция уже успела обеспечить себя в Марокко соглашением с Италией в 1902 г., по которому итальянцы признали преимущественные права французов на Марокко, а взамен этого получили признание своих прав на другую африканскую область—Триполи. Следует отметить, что итальянские и французские империалисты делили непринадлежавшие им территории, так как Триполи принадлежало Турции, а Марокко, по мадридскому трактату 1880 г., было признано одинаково доступным для всех европейских наций. Это обстоятельство, однако, не помешало Италии и Франции проникнуться „духом дружбы" на чужой счет. Итало-французское соглашение пробило основательную брешь в тройственном союзе, так как по нему Италия обязалась остаться нейтральной не только в том случае, если Франция подвергнется нападению другой державы, но даже тогда, когда

Франция „вследствие прямого вызова окажется вынужденной для защиты своей чести и безопасности принять на себя инициативу об'явления войны". Конечно, для Франции было весьма недостаточно признание ее прав на Марокко со стороны Италии—было гораздо существеннее получить английскую поддержку своих притязаний. Эта поддержка была получена в 1904 г., когда было заключено так называемое „сердечное соглашение" Франции и Англии, по которому Франция отреклась от своих „прав" на Египет в пользу Англии, а Англия признавала „права" на Марокко за Францией. К участию в этом дележе была привлечена и Испания, за которой были признаны права на северную часть Марокко, но доля Франции, действительно, оказалась львиной,—к ней отошло четыре пятых всей марокканской территории. Англо-французское соглашение, к которому была добавлена и секретная конвенция, по существу передавала естественные богатства Марокко в распоряжение французского капитала в ущерб всем остальным европейским державам. Кроме того, и Франция, и Англия обязались оказывать друг другу дипломатическую поддержку в случае вмешательства какой-либо третьей державы. Так было заложено основание будущей „Антанте". Радикальный английский публицист, а после мировой войны член рабочей партии, Морель так характеризовал эту сделку: „Вопреки принятым на себя публичным обязательствам, английские, французские и испанские дипломаты... распорядились судьбой независимого африканского государства пространством в 219.000 кв. миль и с восемью миллионами жителей,—государства, известного своими большими естественными богатствами. Они действовали, не получив на это никакой международной санкции и, кроме того, сознательно обманывая весь мир".

Русско-японская война и ее влияние на европейскую политику.

Соглашение с Англией было необходимо для французской буржуазии еще и потому, что союзник Франции, царская Россия, потерпел в это время полное крушение в своей дальневосточной политике. Планы медленного экономического захвата Манчжурии и Кореи русским капитализмом, намеченные политикой графа Витте, были как бы взорваны бесцеремонным выступлением дворцовой клики,

окружавшей Николая II. Вопреки русско-японскому протоколу 1898 г., который гарантировал независимость Кореи и специально обеспечивал права японской торговли, близко стоявшая к русскому двору кучка авантюристов не только захватывала в Корее различные концессии, но отправила туда под видом рабочих и технических служащих русских солдат и офицеров, подготавливая аннексию Корейского полуострова. Для Японии с ее перенаселением и ростом промышленности влияние в Корее было вопросом жизни и смерти, и грубое внедрение русских в Корею привело к русско-японской войне 1904—05 гг., которая не только уничтожила грандиозные планы русского капитализма на Дальнем Востоке, отдав в руки Японии Корею, Порт-Артур, половину Сахалина и заставив Россию очистить Манчжурию, но уничтожением русского флота и поражением русских армий, в связи с начавшейся в России революцией, временно вычеркнула Россию из списка „великих" держав. Союзник Франции вышел из войны с настолько ослабленным престижем, что французам пришлось искать утешения в об'ятиях Англии, в чем они и преуспели еще до окончания русско-японской войны. Но, с другой стороны, поражение России расчистило путь к русско-английскому сближению, так как разбитая Россия стала совершенно неопасной для Англии. На Дальнем Востоке английское правительство могло даже увести часть своего флота из Индийского и Тихого океанов, так как Япония, по возобновленному в 1905 г. англо-японскому договору, обязалась охранять Индию, а на Ближнем Востоке Россия, вследствие крушения своей военной мощи, расстройства финансов и усилившегося революционного движения, не была способна к наступательной политике. Правда, на метавшегося в страхе перед неудачами во внешней политике и революцией Николая II вел стремительную атаку и его кузен—Вильгельм II, успевший в июле 1904 г. навязать невыгодный русскому помещику и благоприятный немецкому помещику русско-германский торговый договор и усиленно добивавшийся русских военных заказов германским фирмам. К июлю 1905 г. старания Вильгельма II чуть-чуть не увенчались успехом — во время своего свидания с Николаем II в Бьерке ему удалось заставить Николая II подписать оборонительный русско-германский союз, по которому

Россия и Германия обязались помогать друг другу в случае нападения на одну из них какой-либо третьей державы. Трудно сказать, каким образом Николай II решился дать свою подпись на документе, который фактически уничтожал двойственный союз России и Франции. Очевидно, он сознавал, что дело не совсем ладно, так как заставил своего морского министра адмирала Бирилева подписаться под договором, не дав ему даже прочесть той бумаги, которую адмирал должен был подписать. Русские министры пришли в ужас, узнав о существовании такого документа, и заставили Николая II отказаться от подписанного им договора. Впрочем, не только франко-русские обязательства помешали осуществлению германо-русского союза, к которому Вильгельм II проектировал притянуть и Францию,—для русского помещика торговый договор 1904 г. был чересчур неприемлем, чтоб итти на подобное соглашение. Это было понятно даже Николаю II, который в письме к своему кузену так характеризовал русско-германские отношения: „Главное затруднение состоит в том, чтобы притти к обоюдному соглашению по вопросу о минимальной пошлине на рожь и пшеницу, которая наносит нашему земледелию тяжкий и жестокий удар". Германское правительство, мстя за неудачу своей попытки, запретило своим банкам принимать участие в займе, который граф Витте в это время заключал в Париже, чтобы вытащить царское правительство из финансового кризиса, вызванного войной с Японией, и, вместе с тем, подавить революционное движение. На помощь французским банкирам, соглашавшимся дать заем России, пришли английские финансисты. „Великие западные демократии", Англия и Франция, вызволили царское правительство, стремившееся к сохранению самодержавного строя и готовившееся разогнать государственную думу, из беды, несмотря на то, что русская буржуазная пресса агитировала против займа, прекрасно зная, что правительство только ждет укрепления своих финансов, чтоб покончить с неугодной ему думой. Это участие английского капитала в русском внешнем займе служило верным показателем, что Россия была достаточно ослаблена, и что английский империализм был готов к соглашению с ослабленным русским империализмом, который обломал свои зубы на дальневосточной авантюре. Появление на посту русского

министра иностранных дел А. П. Извольского, который был сторонником англо-франко-русского соглашения, еще более форсировало события, направленные к образованию антигерманского блока в Европе.

Первый марокканский кризис.

Германия справедливо считала себя обиженной в марокканском вопросе, так как ее „права" на Марокко были не меньше французских, и считала себя не связанной ни англо-французским, ни франко-испанским договорами. У нее были вполне справедливые подозрения относительно содержания секретных конвенций, заключенных Англией и Францией, которые предусматривали окончательное водворение французов в Марокко, и, имея в последнем крупные торговые и промышленные интересы, Германия решила заявить и о своих правах. Один из самых влиятельных советчиков Вильгельма II по иностранным делам, Гольштейн, подал германскому императору мысль о посещении главного марокканского порта Танжера для провозглашения германских притязаний. Вильгельм II посетил Танжер и в своем обращении к жившим там немцам заявил: „Я счастлив приветствовать проводников германской промышленности и торговли, которые помогают мне в моих усилиях охранять интересы родины в свободной стране". В своем обращении к приветствовавшему его дяде марокканского султана Вильгельм II подчеркнул независимость Марокко, сказав, что он приехал приветствовать султана, как „независимого государя", и выразил надежду, что „под его, султана, высокою верховною властью свободное Марокко будет открыто для мирной торговли всех наций без каких бы то ни было монополий и исключений". Таким образом германский император, как верный представитель капиталистических интересов своей страны, одновременно отметил и экономическую заинтересованность Германии в Марокко, и то неприятное для Франции обстоятельство, что согласно международным договорам Франция имеет в Марокко столько же прав, как и всякая другая европейская держава. Вскоре после визита Вильгельма II в Танжер германское правительство предложило созвать конференцию для обсуждения создавшегося в Марокко положения. Франция, совершенно не желавшая выносить плоды своих дого-

воров с Италией и Англией на общее обсуждение, сначала отказалась от созыва конференции. Особенно резко поддерживал это решение французский министр иностранных дел Делькассэ. Однако, боязнь перед военной мощью Германии, плохая надежда на разбитую Россию и неподготовленность французской армии побудили французских министров к уступчивости. На решительном заседании французского кабинета министров Делькассэ соблазнял своих коллег указанием на то, что Англия, в случае разрыва между Францией и Германией, готова мобилизовать свой флот, захватить Кильский канал и высадить 100.000 чел. в Шлезвиг-Голштинии. Но и это не подействовало. Французскому правительству, а за ним и английскому пришлось дать свое согласие на созыв конференции по марокккскому вопросу, которая собралась в 1906 г. в Алжезирасе. На этой конференции французам деятельно помогли Англия, Россия и Италия. Англия и Италия были связаны договорами, а английское правительство, кроме того, было готово содействовать всякому ослаблению германского престижа. России же было необходимо получить во Франции заем для подавления революции: ее поддержка была как бы куплена. Тем не менее, Франция была принуждена пойти на некоторые уступки в отношении коммерческой и промышленной эксплоатации Марокко. Зато она получила право участвовать в проведении реформ по управлению Марокко и право наблюдения за марокккскими границами, что было хорошим предлогом для вмешательства во внутреннюю жизнь марокккского государства. Этот первый марокккский кризис еще теснее сблизил Англию и Францию. Возможность англо-французского выступления против Германии всего яснее иллюстрировалась заключением тайной военной конвенции между Англией и Францией, которая была подписана незадолго до алжезирасской конференции. По этой конвенции Англия обязывалась, в случае возникновения франко-германской войны, доставить на помощь французам от 4 до 6 дивизий в двухнедельный срок после об'явления мобилизации. Любопытно, что эта конвенция настолько сохранялась в тайне, что о ней не знал ни английский парламент, ни большинство членов английского кабинета министров. Тотчас же после алжезирасской конференции в эту военную конвенцию была втянута и Бельгия, которую при-

пугнули возможностью раздела ее колониальных владений в Африке. Участие Бельгии в англо-французской военной конвенции было также секретным и обнаружилось только во время мировой войны, когда вторгнувшиеся в Бельгию немцы захватили бумаги бельгийского военного министерства.

Сближение Англии и России.

Участие английских банкиров в русском займе было только началом англо-русского сближения. Английский империализм, желая встать лицом к лицу с германским, хотел сблизиться со своим старым соперником—Россией. В пользу этого сближения одинаково работали и английский министр иностранных дел сэр Эдуард Грэй, и русский министр иностранных дел Извольский. Если главный пункт расхождения русских и английских интересов находился в Турции, то здесь и у России и у Англии появился настолько опасный враг в лице Германии, что приходилось пока думать только об общей обороне против германского империализма. Много легче было договориться о средне-азиатских делах. Англо-русское соглашение по средне-азиатским делам было заключено согласно обычному империалистическому рецепту дележа „сфер влияния" в непринадлежащих империалистическим державам областях. Наиболее сложным представлялся этот дележ в Персии. Россия занимала первенствующее место в персидской торговле: в 1906—07 г. ее торговый оборот был вдвое больше торгового оборота всех остальных держав, взятых вместе. За протекшее с 1897 г. десятилетие он увеличился на 137%, в то время как англо-персидская торговля за этот срок почти не изменилась. Немудрено, что Персия как бы значилась в списке стран, предназначенных русским империализмом к захвату. Поэтому русское правительство с неудовольствием смотрело на сооружение Багдадской железной дороги, так как последняя могла привезти в Персию немецкого купца и, кроме того, создать конкуренцию вывозу русского хлеба. Время от времени русское правительство под разными предлогами производило разведки в Персидском заливе с целью нащупать почву для своего там обоснования. Но Англия еще в 1903 г. устами своего министра иностранных дел лорда Ленсдауна заявила относительно Персидского залива, что „сооружение морской базы или укреп-

ленного порта какой-либо другой державой будет рассматриваться нами, как серьезная угроза британским интересам, и мы будем противодействовать этому всеми средствами, имеющимися в нашем распоряжении". Это категорическое заявление английского министра основывалось не только на стремлении английского империализма строго охранять подступы к своей индийской империи, но и на интересах английских нефтяников в южной Персии. Соглашение было достигнуто путем раздела Персии на три „зоны влияния": в южной Персии преимущественное право на получение концессий было признано за Англией, в северной—за Россией, серединная же зона осталась в общем пользовании. Условия этого соглашения не вызвали особого восторга ни в Англии, ни в России, так как каждая считала себя обделенной. Сравнительно легко было достигнуто соглашение по делам Афганистана и Тибета: Афганистан был признан входящим в сферу политического влияния Англии, и Россия обязалась вести всякие политические сношения с Афганистаном только через посредство Англии; затем обе державы обязались сохранять политическую целость и неприкосновенность Тибета и сноситься с ним лишь через китайское правительство, но ранее выговоренные Англией права английских купцов в Тибете остались в силе. Англо-русское соглашение было завершено личным свиданием английского короля Эдуарда VII и Николая II в Ревеле, когда русское правительство выговорило себе „свободу действий" в северной Персии и применило эту „свободу" первым делом для подавления персидской революции.

Англо - русское соглашение 1907 — 08 гг. завершало систему „окружения" Германии, и один из видных представителей немецкого империализма, граф Ревентлов, был вполне прав, называя это соглашение еще более тяжким ударом для Германии, чем англо - французское соглашение 1904 г. Тройственному союзу Германии, Австрии и Италии, при чем последняя была более чем ненадежной и сохранялась в союзе лишь для того, чтобы не толкнуть ее окончательно в руки врагов, была противопоставлена сложная комбинация тройственного согласия, образованного из двойственного союза России и Франции, соглашений и военных конвенций Франции и Англии, соглашений Англии и России, при чем

русско-английские отношения стремились по мере развития событий отлиться также в форму военной конвенции на случай войны против Германии. Надо сказать, что вся эта система тройственного согласия носила крайне резко выраженный империалистический отпечаток, так как она основывалась на разделе еще не захваченных территорий и на стремлении недопустить Германию к новым приобретениям и расширению. Ее основной чертой была враждебность к австро-германскому союзу. Эта вражда была той соединительной тканью, которая заставила прежних соперников сомкнуть свои ряды. Разумеется, такая политическая комбинация могла быть живучей только до возможного военного разгрома Германии, что составляло ее заветную цель. Конец германского могущества был бы могилой и для всех этих „сердечных соглашений".

Второй марокканский кризис. Между тем французское правительство, опираясь главным образом на Англию, продолжало политику проглатывания в Марокко. Пользуясь самыми ничтожными предлогами, как-то: выступлением небольшой разбойничьей банды или бросанием камней в явившихся нарушать мароккскую независимость французских солдат, французы отправляли в Марокко карательные отряды, подвергали бомбардировке беззащитные города, избивали население и захватывали территории. Германия, занятая ближне-восточными делами, принуждена была закрывать глаза на эти постоянные нарушения алжезирасского акта и в 1909 г. даже заключила с Францией дополнительное соглашение, подтверждавшее коммерческие и промышленные интересы Германии в Марокко, но признававшее за Францией особые политические права. Получив это признание, французский империализм осмелел еще более. В Париже было основано „Мароккское общество общественных работ", при чем 50% капитала этого общества принадлежали французам, 30%—немцам, а 20% было предоставлено другим государствам. Это общество, располагавшее не только капиталом, но и услужливой прессой, стало толкать Францию на путь еще более энергичной политики в Марокко, тем более, что в то же время мароккский султан принужден был принять на себя возмещение убытков, понесенных при

бомбардировке французами мароккских городов, и издержки французов за их карательные экспедиции. Это издевательство вылилось в форму кабальной сделки, отдававшей Марокко на поток и разграбление французскому правительству. Марокко должно было уплатить 80 миллионов франков за гражданские убытки, при чем средства для этого брались из предоставленного французскими банкирами займа, который обеспечивался поступлениями мароккских таможен, и 70 миллионов фр. за военные издержки. Погашение этой последней суммы должно было производиться ежегодными взносами, расчисленными на 75 лет. Но и этого закабаления было мало: в апреле 1911 г. пришло известие, что столица Марокко — Фец — окружена мятежниками, и что живущие в городе европейцы находятся в опасности. Немедленно после этого французская армия в 30.000 человек под начальством генерала Муанье оккупировала Фец и, несмотря на все обещания очистить мароккскую столицу, продолжала оставаться там. На самом деле, все эти мароккские беспорядки были более чем раздуты капиталистической прессой. Армия Муанье, как сообщали корреспонденты, жаловалась на отсутствие врага и при занятии Феца, и при оккупации его. Один французский публицист так охарактеризовал поведение органов французской буржуазной прессы, заинтересованной в мароккских делах: „Они организовали кампанию систематического обмана. Они закидали публику лживыми известиями... Один из корреспондентов, принявший участие в кампании лжи, писал с удивительным хладнокровием, что, если сказать правду, в деле было много преувеличения, что по существу ни Фецу, ни его жителям ни разу не грозила сколько-нибудь серьезная опасность... Оккупация на неопределенное время столицы была естественной прелюдией к протекторату. Ловким людям, подготовившим и разыгравшим сценарий, оставалось только пожать плоды своих усилий. Должна была открыться эра концессий, прибылей, дивидендов". Но германский капитализм был тоже не прочь и от концессий и от прибылей: в частности в горной промышленности Марокко была заинтересована могущественная немецкая фирма братьев Маннесман. Германские права на эксплоатацию Марокко были заявлены в июле 1911 г. военной демонстрацией: в мароккский порт Агадир была отправлена

германская канонерская лодка „Пантера“. Предлогом для ее посылки было также „восстановление порядка“. Получилось положение, похожее на случай с Багдадской дорогой: там англичане были недовольны преобладанием немецкого капитала в акционерном обществе для ее постройки, а здесь немцы были обижены засильем французского капитала в марокккском Обществе для общественных работ. Мирный раздел и соглашение между капиталистическими об'единениями оказались невозможными. „Прыжок пантеры“ вызвал жестокие протесты как со стороны Франции, так и со стороны Англии. Последняя ни в коем случае не желала, чтобы Германия получила порт в Марокко, поблизости от Гибралтара и Суэца. Сэр Грей, английский министр иностранных дел, заявил в английском парламенте, что „мы должны принять во внимание наши договорные обязательства по отношению к Франции и наши собственные интересы в Марокко“. И еще более резко высказался другой английский министр— Ллойд-Джордж — в своей речи, произнесенной во дворце лондонского городского головы. Ллойд-Джордж прямо заявил, что если „кто-нибудь позволит себе отнестись к Британии, как будто она не имеет никакого значения в европейском концерте, тогда я самым решительным образом скажу, что мир, купленный такой ценой, будет унижением, нетерпимым для такой великой страны, как наша“. Воинственным речам государственных деятелей дружно подвывала английская, французская и немецкая пресса. Известный немецкий журналист Максимилиан Гарден открыто требовал об'явления войны. И действительно, Европа была накануне всеобщей свалки. Но Германия еще не была готова к борьбе: не была еще закончена перестройка Кильского канала, а на острове Гельголанде еще не была создана сильная морская крепость. Упомянутый уже Пауль Рорбах впоследствии писал: „Ввергнуть Германию в войну из-за Марокко летом 1911 г. было бы не только глупостью, но и преступлением“. Россия была также нерасположена воевать из-за Марокко. В последнюю минуту соглашение было достигнуто. Германия удовольствовалась обещанием Франции соблюдать экономическое равновесие в Марокко, не допускать неравенства в отношении таможенных сборов и тарифов и не взимать пошлины с вывозимой железной руды

и уступкой части французского Конго. Взамен Германия окончательно признала за Францией не только право политического контроля над Марокко, но и обещала не противиться оккупации мароккской территории со стороны Франции. Соглашение было заключено по обычной формуле империалистических сделок: кусок одной территории за другую. Конечно, каждая сторона почитала себя обделенной; особенно бесновались германские империалисты. Их гнев обрушился на Англию. „Теперь мы знаем, кто заявляет притязания на господство над всей вселенной, когда мы хотим расшириться и занять свое место под солнцем", грозил Гейдебранд, один из самых влиятельных германских политиков. Судьба Марокко была решена 30 марта 1912 г., когда Франция по договору с мароккским султаном провозгласила свой протекторат над Марокко. Успех Франции побудил выступить и Италию в обещанном ей Францией Триполи. Выступление Италии носило крайне грубый характер. Верховная власть над Триполи принадлежала Турции, и Италия, воспользовавшись указанием на якобы дурное обращение с итальянскими подданными в Триполи в качестве предлога для войны, 26 сентября 1911 г. пред'явила Турции ультиматум, а 29 об'явила войну. Эта война, однако, сильно затянулась, и только осенью 1912 г. был заключен мир, по которому Турция должна была согласиться на уступку Триполи [1]). Так была выполнена итало-французская программа—Триполи за Марокко. Раздел „черного" континента между европейскими державами закончился. Только Абиссиния и негрская республика Либерия сохранили свою независимость. Триполитанская война, предпринятая Италией с благословения Франции, еще более приблизила Италию к тройственному согласию. Австрия и Германия, видевшие в Турции свою добычу и своего союзника, были крайне недовольны итальянским выступлением, которое могло отдалить Турцию от соединенного влияния этих двух империй.

---

[1]) Турция вынуждена была к заключению мира только нападением на нее балканского союза (см. ниже), в военном же отношении итальянцы были через год ведения войны в более трудном положении, чем в ее начале.

Первый балканский кризис.

Если в Африке замыслы Германии в общем окончились неудачей, то на Ближнем Востоке австро-германская политика медленно, но верно вытесняла влияние держав тройственного согласия. Происходило это главным образом потому, что русский империализм никак не мог отказаться от своей старой мечты захватить Константинополь и проливы и этим заставлял турок быть особенно бдительными ко всяким выступлениям русской дипломатии. Германский же империализм более стремился к мирному поглощению Турции, к ее обращению в австро-германскую колонию с сохранением мнимой политической независимости. Примирившись до времени с господством русского купца в Персии, германский капитализм не хотел уступить своему конкуренту рынки Европейской и Азиатской Турции. Уже линии Багдадской железной дороги, хотя еще и недостроенной, представляли собой прекрасный путь для внедрения австрийских и немецких товаров в Турцию, а в 1906 году Австрия выступила с проектом провести железнодорожное сообщение с границы Боснии на Митровицу, откуда уже шла железнодорожная линия до Салоник на Эгейском море. Осуществление австрийского проекта грозило превращением и Балканского полуострова в сферу влияния австро - германского империализма. В ответ на австрийское предложение Россия в согласии с Сербией потребовала концессии на постройку железной дороги от Дуная до Адриатического моря, в чем оказалась заинтересованной и Италия. Во время сложных дипломатических переговоров, завязавшихся вокруг этих двух проектов, в Турции произошла революция, вызванная тем, что правительство султана Абдул-Хамида было совершенно неспособно установить внутренний порядок в стране и сколько-нибудь упорядочить турецкие финансы. Хаотичность в турецком управлении и финансах постоянно вызывала со стороны великих держав различные проекты реформ, которые все клонились к тому, чтобы отнять у турок право быть хозяевами в своей собственной стране. Молодая турецкая буржуазия, разумеется, была заинтересована в том, чтобы покончить с прогнившей системой турецкого старого режима, и целью революции, произведенной так называемыми „младотурками“, было повести Турцию по пути европеизации, что

предотвратило бы возможность иностранного вмешательства. Турецкая революция была в этом смысле национальной, но империалистические державы Европы хотели воспользоваться этим моментом внутреннего ослабления Турции, чтобы осуществить хотя бы часть своих захватнических планов. Россия и Австрия уже в 1906 году договорились о том, чем бы им поживиться на счет Турции: для Австрии было желательно окончательно аннексировать Боснию и Герцеговину и тем нарушить берлинский трактат 1878 г.; Россия хотела нарушить этот трактат в другом отношении: получить право прохода своих военных судов через проливы. Конечно, для России это право было важно не само по себе, так как в Средиземном море русскому флоту делать было нечего, а как возможность выйти в проливы и высадить там десант для занятия Константинополя. В сентябре 1908 г. русский министр иностранных дел Извольский устно договорился об этом с австрийским министром иностранных дел бароном Эренталем, не осведомив о предмете своих переговоров английское и французское правительства. Совершив эту неосторожность, русский министр отправился лечиться на минеральные воды. Австрия же не стала долго раздумывать и 5 октября 1908 года об'явила об аннексии Боснии и Герцеговины во имя „высоких культурных и политических целей, ради которых Австро-Венгерская монархия предприняла занятие и управление Боснией и Герцеговиной". Когда Извольский спохватился и стал домогаться осуществления своих требований, то даже Франция и Англия заявили, что всякое изменение положения в проливах, идущее вразрез с постановлениями берлинского конгресса, должно быть сделано лишь с предварительного согласия Турции. Но турки меньше всего желали итти навстречу русским требованиям. Они даже не пожелали принять австрийский проект сооружения нового железнодорожного пути, так как было ясно, что этот проект преследовал не турецкие, а австрийские интересы. Тем более они воспротивились домогательствам России. В виду упорства турок и дипломатической поддержки Германии, Австрия отказалась поддерживать требования Извольского о созыве международной конференции для пересмотра положения о проливах. Только тогда русский министр понял, что „игра проиграна". Правда, началось неизбежное в этих

случаях бряцание оружием — Россия стала приводить в боевую готовность свои войска, а Австрия даже официально об'явила мобилизацию. Дело осложнялось еще тем, что Турция об'явила бойкот австрийских товаров, а Сербия крайне резко выражала протест против захвата Боснии и Герцеговины Австрией. Эта непримиримость Сербии об'яснялась жестокой таможенной войной, шедшей между Австрией и Сербией: австрийское правительство, под давлением венгерских помещиков, запретило в 1906 году ввоз рогатого скота и свиней в Австрию. В результате этой „свиной" войны сельское хозяйство Сербии испытывало сильный кризис. Австро-турецкое столкновение разрешилось тем, что Австрия уплатила Турции отступное за Боснию и Герцеговину, но опасность войны между Австрией, с одной стороны, и Россией и Сербией, с другой, все еще висела в воздухе. Конечно, эта война послужила бы только сигналом к общеевропейской бойне. Германия совершенно правильно учитывала неготовность России к войне, и германский канцлер граф Бюлов известил германского представителя в Петербурге о том, что „ответственность за все могущие быть последствия ложится исключительно на Извольского". Русское правительство уступило: на совете министров было признано, что Россия воевать не может в виду того, что „новая мобилизация в России придала бы силы революции". Россия дала Сербии совет уступить и примириться с аннексией Боснии и Герцеговины, чему Сербия и подчинилась, хотя с большой неохотой. Так, в начале 1909 года закончился первый балканский кризис—австро-германский блок получил удовлетворение за Алжезирас.

Второй балканский кризис.

Однако, русский империализм лишь на короткое время отказался от своих стремлений в Турции. Уже осенью 1911 года русский посол в Константинополе Чарыков получает предписание, „пользуясь обстоятельствами итало-турецкой войны и франко-германских переговоров о Марокко", добиваться от Турции допущения прохода русских военных судов через проливы. Турецкое правительство снова резко воспротивилось русским домогательствам. Турецкий министр иностранных дел заявил в своем официальном органе следующее: „Ни одно турец-

кое правительство и ни один турок ни на один момент не допустят мысли, что Оттоманская империя может дойти до положения русского вассала". Ни Англия, ни Франция не имели охоты поддерживать русские требования, а германское правительство просто подстрекало турок остаться на непримиримой позиции. Потерпев неудачу в прямом натиске на турок, русское правительство принялось за устройство блока балканских государств против Турции. Наиболее трудным здесь являлось установление союзных отношений между Болгарией и Сербией, которые имели разногласия по поводу Македонии; но после переговоров, тянувшихся под непосредственной опекой русской дипломатии несколько месяцев, соглашение было достигнуто и подписано представителями Болгарии и Сербии весной 1912 г. Роль и значение русской дипломатии при заключении этого договора всего лучше характеризуется секретными его статьями, которые предусматривали раздел целого ряда областей Европейской Турции, но в то же время устанавливали, что „всякий спор, который мог бы возникнуть при толковании и исполнении какой-либо статьи сего договора... представляется на окончательное решение России". Вслед за этим болгаро-сербским союзным договором последовали договор болгаро-греческий и словесное соглашение союзников с Черногорией. Когда французский первый министр Пуанкарэ [1]) ознакомился с болгаро-сербским договором, ему стало ясно все значение этого документа. „Этот договор содержит в себе семя войны не только против Турции, но и против Австрии. Кроме того, он устанавливает главенство России над всеми славянскими государствами, так как она является верховным судьей по всем вопросам", писал он. Русский же посол в Париже Извольский уже через несколько дней после начала союзнической войны против Турции сообщал сменившему его на посту министра иностранных дел С. Д. Сазонову, что победа союзников над Турцией „сразу выдвинула бы во весь его исторический рост вопрос о борьбе славянства не только с исламом, но и с германизмом" и что в этом случае „следует готовиться к великой и решительной общеевропейской войне".

---

[1]) Раймон Пуанкарэ, впоследствии президент республики (1913—1920), получивший прозвище Пуанкарэ-война.

Действительно, создание русской дипломатией блока балканских государств для непосредственной войны с Турцией грозило не только рядом дипломатических осложнений, но прямой опасностью общеевропейской войны. Буржуазия Сербии, Болгарии, Греции стремилась к об'единению в масштабе национальных государств, но это национальное об'единение должно было происходить уже в рамках империалистической политики европейских держав, из которых каждая преследовала свои цели империалистического захвата. Так, для России было важно дать союзникам разгромить Турцию, но при дележе последней захватить Босфор и Дарданеллы, для Австрии было выгодно не допустить исключительного русского влияния на Балканском полуострове и, в частности, не дать чересчур усилиться Сербии. Эти интересы шли даже вразрез с интересами балканских государств: Россия, покровительствуя союзникам, ни в коем случае не желала допустить их к проливам, так как относительно последних подразумевалось, что они должны перейти в русское владение. И на самом Балканском полуострове перекрещивались интересы европейского финансового капитала: в греческих банках господствовал английский капитал, в болгарских—германский и австрийский; государственный долг Сербии был в руках французских банкиров, а военные заказы балканских государств разбивались между такими могущественными фирмами, как Шнейдер-Крезо во Франции и Крупп в Германии. Таким образом получалось известное противоречие между стремлениями империалистических держав, с одной стороны, и орудиями их политики, мелкими национальными государствами, — с другой. Начавшаяся осенью 1912 г. война балканских союзников против Турции привела к быстрому разгрому последней, но интересно, что как только болгарские войска оказались неподалеку от Константинополя, русский министр иностранных дел Сазонов предупредил болгар, что в случае их попытки занять Константинополь туда будет немедленно отправлен черноморский флот. С декабря 1912 г. в Лондоне стала заседать мирная конференция, на которой империалистические державы Европы зорко смотрели за тем, как бы расправа балканских союзников с Турцией не нарушила их конкурирующие интересы. Особенно Австрия следила за стремлениями Сербии чере-

чур усилиться и получить выход к Адриатическому морю, что, естественно, поддерживалось Россией, видевшей в Сербии своего подчиненного. Пока в Лондоне шли мирные переговоры, Россия и Австрия не только стянули войска к своим границам и производили „пробные" мобилизации, но даже одно время прервали между собой дипломатические сношения. Угрозы Германии, которые поставили царское правительство лицом к лицу и против Австрии и против Германии, заставили Россию умерить свою поддержку сербских требований, и мир, территориально усиливший Сербию, но не дававший ей выхода к морю, был уже подписан, как распря между победоносными балканскими союзниками нанесла сильный ущерб работе австро-германской дипломатии. Стремление правящих болгарских кругов к созданию „Великой Болгарии" повело к заключению греко-сербского союза, направленного против болгар. Болгары, рассчитывая на то, что они смогут разделаться со своими бывшими союзниками поодиночке, атаковали сербов в Македонии и греков в Салониках, но их замыслы кончились полной неудачей: они потерпели поражение, при чем на стороне их врагов выступила и Румыния. В результате этой союзнической балканской войны 1913 г., которой воспользовалась и Турция, чтобы вернуть себе Адрианополь, приобретения Болгарии были сильно урезаны, а Сербия, к великому неудовольствию Австрии, вышла из войны значительно усилившейся. Захват Сербией Ново-Базарского санджака поставил преграду австрийским стремлениям пробиться к Салоникам, а мечтания сербских военных кругов и сербской буржуазии об образовании Великой Сербии путем захвата Боснии и Герцеговины и Кроации были постоянной угрозой для существования австро-венгерской монархии с ее многочисленным славянским населением. В самой Турции неудачная война привела к появлению у власти правительства Энвер-бея с ярко выраженными германскими симпатиями. Одной из основных задач нового правительства было реорганизовать разбитую турецкую армию, и для этой цели был приглашен германский генерал Лиман-фон-Сандерс. Это назначение возбудило сильнейшее негодование русского правительства, полагавшего, и не без основания, что появление Сандерса в Константинополе обозначает окончательное укрепление

германского влияния в Турции. Уступки Германии, удовлетворившейся предоставлением Сандерсу менее высокого поста, чем предполагалось раньше, мало повлияли на русское правительство: Россия отказалась от целого ряда заказов в Германии, а с Францией начались переговоры о новом займе на постройку стратегических железных дорог. Наконец, в феврале 1914 г. на особом совещании членов русского правительства Сазоновым был прямо поставлен вопрос о занятии Россией проливов, в случае если они будут переходить из-под турецкого обладания под контроль какой-либо иной державы. Русские военные авторитеты указали, что захват Константинополя вряд ли возможен без общеевропейской войны, и было постановлено принять меры к усилению сухопутного и морского транспорта, особенно на Кавказе и на Черноморье. Так русский империализм стремился к осуществлению своих старинных целей в турецких владениях.

Европейский империализм в Азиатской Турции.

В это же время германский империализм не прекращал своего внедрения в Азиатскую Турцию. Постройка багдадской железной дороги с ее ответвлениями подвигалась вперед, и Германия стремилась добиться соглашения с Россией и Англией относительно окончания этого грандиозного сооружения, которое дало бы возможность германскому капиталу начать разработку естественных богатств Малой Азии. Потсдамское свидание Николая II и Вильгельма II повело к русско-германскому соглашению по персидскому вопросу, заключенному в августе 1911 г. По этому соглашению Россия обязалась исходатайствовать у персидского правительства концессию на сооружение железной дороги в северной Персии, которая соединилась бы с веткой багдадской дороги. В случае же, если бы русское правительство в течение двухлетнего срока не приступило к сооружению этой соединительной ветви, оно оставляло право за Германией добиваться такой же концессии. Как потсдамское свидание, так и это соглашение вызвало целый ряд подозрений во Франции, что показывает, насколько подозрительно относились друг к другу европейские империалисты перед мировой войной. Но и английский империализм был не прочь

за спиной своих друзей столковаться с Германией. Самым затруднительным вопросом при постройке багдадского рельсового пути был вопрос о выходе последнего к Персидскому заливу. Захватившая Ковейт Англия долгое время добивалась от Турции концессий на сооружение железной дороги Багдад—Персидский залив, желая таким образом иметь конечный участок багдадского пути в своих руках. Затруднительное положение Турции в 1912—13 годах дало возможность Англии вынудить у Турции обещание, что конечным пунктом багдадской железной дороги будет Басра, а участок Басра—Ковейт Англия бралась достроить собственными средствами. Это англо-турецкое соглашение вызвало тревогу в Германии, но в конце-концов между Англией и Германией в свою очередь было достигнуто соглашение, которое не вошло в силу только благодаря начавшейся мировой войне. Это соглашение представляет собой прекрасный образчик империалистического дележа на чужой территории. Германия соглашалась на окончание багдадского пути в Басре, но зато Англия обязывалась не чинить препятствий железнодорожным сооружениям в ограниченном таким образом районе. Портовые сооружения в Багдаде и Басре предоставлялись обществу багдадской дороги, но английский капитал получал в них участие в размере 40%. Месопотамское судоходство отдавалось английскому обществу, в котором на долю Германии приходилось 20% капитала. Германское правительство обязывалось не устраивать никакой конкуренции начатым Англией в Месопотамии оросительным работам, которые должны были доставить английскому империализму новую житницу хлопка, но в учрежденном для эксплоатации месопотамских нефтяных источников обществе германский капитализм участвовал в размере 25%, в то время как на долю английского капитала приходилось 50%. Заключение подобного соглашения накануне решительной схватки красноречиво говорит о том, что взаимное доверие империалистических держав, даже находившихся между собой в определенных отношениях, было весьма невелико: Россия не брезгует договором и с Германией, действуя тайком от Франции, так же поступает и Англия, заботясь лишь о своих выгодах.

Европейский милитаризм перед мировой войной.

Параллельно с этими взрывами в международных отношениях шел непрерывный рост военных вооружений. Франция в августе 1913 года перешла от двухлетней к трехлетней воинской повинности, что должно было увеличить мирный состав французской армии на 150 тыс. чел. Не отставал от Франции и ее главный союзник—Россия. В 1914 г. государственная дума приняла закон о доведении мирного состава армии до 1.400 тыс. чел. Соответственно франко-русским сухопутным вооружениям вооружалась и Германия, приняв в 1913 г. законопроект об увеличении состава армии на 136 тыс. чел. Если состязание в вооружениях на суше шло между франко-русским блоком и Германией, то в морских вооружениях главными конкурентами являлись Англия и Германия. Напрасно руководящие политики этих держав пытались уверить друг друга, что морские бюджеты Германии и Англии не преследуют воинственных целей. Бывший имперский канцлер Германии князь Бюлов уверял в 1913 г.: „Было и необходимо и желательно создать настолько могущественный флот, чтобы ни одна морская сила не могла бы напасть на него. Наше быстрое национальное развитие, особенно в сфере промышленности, побудило нас перейти океан". Но трудно было ожидать, как предполагал даже Бюлов, что англо-германское столкновение будет избегнуто, „если мы не допустим ничего, что делало бы непоправимым отчуждение между нами и Англией". Именно сооружение такого флота, какой казался необходимым Бюлову, было как раз совершенно неприемлемым для Англии, так как владычество над морями было непременным условием сохранения английской колониальной империи. Морской министр Германии адмирал фон-Тирпиц прекрасно видел непримиримость англичан в данном вопросе. Несколько преувеличивая ее, он заявляет в своих воспоминаниях: „Несколькими кораблями больше или меньше было безразлично для англичан. Было ясно, что они предпочитали, чтобы мы не имели флота даже на 50% или 100% слабейшего, чем они". Безнадежность всех переговоров о взаимном сокращении морских вооружений хорошо со своей точки зрения формулировал и германский канцлер Бетман-Гольвег, официально выступая в рейхстаге: „Кто согласится ослабить

свои средства защиты без полной уверенности в том, что его сосед тайно не превышает программы, разрешенной ему соглашением о вооружении? Нет, господа, тот, кто серьезно обсудит вопрос о всеобщем разоружении, тот неизбежно придет к заключению, что это вопрос неразрешимый, пока люди останутся людьми и государства—государствами". Тем не менее, несмотря на все старания германского адмиралтейства, военный флот Германии много уступал английскому перед войной. Превосходство английского флота не так выступало в количестве дреднотов (31 против 21), сколько в количестве боевых судов более старой постройки—крейсеров, истребителей и подводных лодок. Чтобы увидеть, каким тяжелым бременем ложился милитаризм на народное хозяйство, достаточно проследить возрастание военного бюджета главнейших европейских держав. Если взять цифры, относящиеся к 1898 г., с одной стороны, и к 1914 г., с другой, то получится следующая картина: расходы содержания русской армии возростали с 30 до 79 мил. фунт. стерлингов, французской армии с 26 до 57, германской с 32 до 71; морские вооружения Англии увеличились по своей стоимости с 25 до 52 мил. фун. стерлингов, Германии с 6 до 23. Этот бешеный рост военных расходов обозначает те огромные суммы, которые переходили из карманов государства в руки крупнейших заводчиков, главным образом, королей стали и железа, как-то: Круппа и Тиссена в Германии, Шнейдера-Крезо во Франции, Армстронга и Виккерса в Англии. Грядущая мировая война обещала стать—и стала таковой в действительности—войной англо-французской тяжелой индустрии против тяжелой индустрии Германии. Вместе с тем эти цифры показывают, что вооружения Антанты были нисколько не меньше вооружений австро-германского блока, и что милитаризм русский и французский на суше и английский на море мало чем отличались от милитаризма германского. Рядом с увеличением вооружений шла и организационная подготовка будущей войны. Совещания английского и фрацузского военного штабов вырабатывали размеры и форму английской сухопутной помощи французской армии, совместные действия французского и английского флота, при чем Франции отводился бассейн Средиземного моря, а Англии—действия против главной массы гер-

манских морских сил в Северном море. Бельгия по настояниям Франции и Англии ввела у себя в 1913 году принудительную воинскую повинность и по указаниям английских военных специалистов подготовила на случай войны свои пути сообщения. Еще более тесны были совместные действия французского и русского военного штаба. Поездка Пуанкарэ в Петербург летом 1912 г. привела к заключению новой военной конвенции между Францией и Россией, которая была гораздо более разработана в деталях, чем конвенция 1892 г. Если конвенция 1892 г. предусматривала главным образом сухопутное сотрудничество России и Франции, то конвенция 1912 г. подробно устанавливала совместную работу морских штабов обеих держав. Вторичный визит ставшего президентом Французской республики Пуанкарэ в Петербург перед самой войной еще резче подчеркнул совместный образ действий русского и французского империализма. Делались попытки теснее согласовать образ действий Англии и России: еще во время балканского кризиса 1912—1913 гг. Грэй уверял Сазонова, что в случае австро-русской войны Англия постарается „нанести самый чувствительный удар германскому могуществу", а король Англии Георг V выражался еще решительнее, утверждая, что в случае войны англичане попросту пустят ко дну всякое немецкое судно, которое попадет им в руки. Стремившийся к войне Пуанкарэ старался придать англо-русскому военному сотрудничеству более определенный характер. Русское морское министерство предлагало английскому задержать возможно большую часть германского флота в Северном море, предоставляя таким образом русскому флоту хозяйничать в Балтийском море. Кроме того Англия должна была до официального начала военных действий перевести часть своего торгового флота в Балтийское море, чтобы Россия могла грозить высадкой войска в Померании. Правда, английское министерство официально опровергало слухи о существовании англо-русской морской конвенции, но делало это так двусмысленно, что для Германии не было никаких сомнений в том, что действия вооруженных сил Англии и России будут согласованы даже в случае отсутствия определенного соглашения. Германия со своей стороны делала все усилия, чтобы добиться наибольшей боевой готовности

от своего главного союзника—Австрии. Во главе австрийской армии был поставлен глава австрийской военной партии—австрийский престолонаследник Франц Фердинанд, убийство которого послужило непосредственным сигналом к войне. Таким образом все усилия европейской дипломатии, представителей тяжелой промышленности, военных специалистов клонились к тому, чтобы повергнуть Европу в котел жесточайшего из всех военных столкновений, которые знает история. С этой точки зрения мировая война явилась не досадной неожиданностью, не ошибкой какого-нибудь из европейских правительств, а вполне логическим концом определенного периода европейской истории. Бешеный размах европейского капитализма, который задыхался в рамках национального государства, искал выхода в поглощении более слабых соседей, а, следовательно, искал войны. Но всякая война, даже мировая, могла осуществить империалистический идеал только в том случае, если бы она привела к всемирному господству какого-нибудь одного империализма, а это было непосильной задачей даже для самых крупных империалистических держав.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

МИРОВАЯ ВОЙНА И КРИЗИС ИМПЕРИАЛИЗМА.

Мировая война и капиталистическая пресса.

Мировая война 1914—18 гг. была особенно замечательна тем, что, с одной стороны, в ней чрезвычайно ярко выступили захватнические цели империалистической политики, а с другой—эти цели были с большой тщательностью прикрыты капиталистической прессой воюющих держав. Пресса центральных держав громко кричала о необходимости спасти европейскую культуру от варварского царизма, о необходимости уничтожить английское мировое владычество. Пресса Антанты проповедывала уничтожение германского империализма, который якобы один был повинен в непомерном росте вооружений, от которых страдали бюджеты европейских государств, и призывала к борьбе за свержение устаревшего и недемократического строя империи Гогенцоллернов и Габсбургов, совершенно забывая о том, что царизм Романовых был еще более устаревшей формой общественного развития. Эта грандиозная агитация, развитая печатью воюющих держав, имела своей целью, во-первых, поддержание внутреннего мира и прекращение классовой борьбы и, во-вторых, воздействие на страны, оставшиеся нейтральными, для привлечения этих стран на свою сторону. Таким образом грандиозным сражениям мировой войны соответствовали такие же битвы на страницах газет и журналов. Каждая из воюющих сторон, кроме военных штабов, имела штабы печати, деятельность которых была тесно спаяна с деятельностью первых и зависела от них. Большое количество денежных средств, находившихся в распоряжении Антанты, дало возможность последней более сильно воздействовать на общественное мнение, породив целый ряд легенд, как-то: об исключительной ответственности Германии

за войну, о недостойном поведении германских войск в занятых Германией областях и пр. Нарушение Германией нейтралитета Бельгии рассматривалось как величайшее варварство, хотя сама Бельгия своими военными соглашениями с Францией и Англией вызвала этот образ действий со стороны Германии. Тот факт, что Германия первая пред'явила ультиматум и об'явила войну России и напала на Францию, толковался, как доказательство германской виновности за войну, хотя сам по себе он не имел никакого значения по причине того, что к войне все готовились одинаково. Поведение германцев в Бельгии и Польше рисовалось, как образец варварства, и говорить о германских „зверствах" было как бы хорошим тоном во враждебной Германии печати, несмотря на то, что русские вели себя нисколько не лучше в Галиции и в Восточной Пруссии. Если прибавить к этому постоянную лживость военных сообщений воюющих сторон, преувеличивавших свои победы и потери противника и преуменьшавших свои поражения и потери, то получится крайне выразительная картина, свидетельствующая о той власти, которую имел капитализм в деле фабрикации общественного мнения. Продажность капиталистической прессы, которая так ярко проявилась во время кризиса в Марокко и на Балканах, превзошла все границы во время мировой войны.

Европейская дипломатия в мировой войне.

Не менее яркая картина получится, если отбросить все эти возникшие на почве агитационно-патриотических упражнений вопросы о непосредственной виновности в войне той или другой державы, а просто проследить основные черты деятельности европейской дипломатии за все время мировой войны. Дипломатическая стряпня европейских правительств за этот период истории отличалась особой таинственностью, об'яснявшейся тем, что каждое европейское правительство вело двойную бухгалтерию. Посредством прессы публика оповещалась о миролюбии соответствующей державы, о благочестивых стремлениях провозгласить на весь мир демократические начала, освободить малые и угнетенные народности,—но только не свои, а находившиеся под властью противника,—а в тиши дипломатических канцелярий шла

торговля о дележе захваченных и предполагавшихся к захвату территорий, о тех посулах, которые могли быть сделаны еще не вступившим в войну государствам за их выступление на той или другой стороне. Русской революции принадлежит особая заслуга: она обнажила эти сокровенные пружины империалистической политики, опубликовав целый ряд тайных договоров, связывавших царское правительство с его союзниками, и тем заставила высказаться как австро-германских дипломатов, так и дипломатов Антанты.

Константинополь и проливы.

Для русской дипломатии коренным вопросом в мировой войне являлся вопрос о Константинополе и проливах. В самом начале войны он еще усложнился тем, что Турция не вступила в войну сразу. Турецким государственным деятелям было ясно, что из двух зол придется выбирать меньшее, что придется присоединиться к той из двух воюющих коалиций, которая поставит более приемлемые условия для турок. Турецкое правительство прекрасно сознавало, что находившаяся в составе Антанты Россия считала главной задачей мировой войны овладение проливами и, следовательно, уничтожение Турции, по крайней мере, как европейской державы, в то время как для Германии было достаточно обращения Турции в свою экономическую колонию. Не только турки сознавали эту русскую опасность,—германская дипломатия также учитывала этот козырь в своей игре, и даже русский морской штаб открыто писал в „Морском Сборнике“: „Ведь, действительно, туркам некуда было податься, кроме как к немцам, несмотря на всю вероятность проигрыша их дела. Ведь только немцам, обратившим Турцию в свою колонию, выгодно, чтобы она оставалась в Европе и, главное, владела проливами, и турки очень хорошо понимают, что единственная надежда сохранить свои европейские владения и проливы—это решиться стать германской колонией“. Эти обстоятельства привели турок к тому, что уже 28 июля 1914 года они заключили с Германией тайный оборонительный и наступательный союз, направленный исключительно против России. Но именно „вероятность проигрыша их дела“ заставила турецкое правительство сильно колебаться перед окончательным вступлением в войну.

Еще до заключения турецко-германского союза Энвер-бей уверял русского военного представителя в Константинополе, что Турция готова выступить и против Германии, и против Австрии при условии некоторых территориальных прирезок и оборонительного союза с Россией на срок от пяти до десяти лет, который гарантировал бы Турции ее неприкосновенность. Положение русской дипломатии было крайне затруднительно: вступление Турции в войну на стороне Антанты облегчило бы положение союзников, но заставило бы отложить мечты о Константинополе на неопределенный срок. Поэтому русская дипломатия предпочла путь дипломатических проволочек, надеясь, что ожидавшееся выступление Болгарии против австро-германского блока закончит окружение центральных держав с юга и сделает излишним всякий союз или соглашение с Турцией. Переговоры Турции с державами Антанты побудили германское правительство приступить к решительным действиям. Немецкий адмирал Сушон, командовавший укрывшимися в Мраморном море германскими крейсерами „Гебен“ и „Бреслау“, самовольно вышел в Черное море и бомбардировал Одессу. Этот поступок немецкого адмирала, относительно которого турецкий великий визирь уверял русского посла Гирса, что „ни он, ни правительство не желает войны“ и что он „действительно не ожидал, чтобы немцы могли обмануть его таким образом“, повлек за собой об'явление войны Турции со стороны Антанты. Попытки англичан и французов форсировать Дарданеллы окончились неудачей, и сокрушение Турции оказалось не таким легким делом, как предполагалось. Несмотря на это, царское правительство всеми силами старалось формально обеспечить за собой обладание Константинополем и прилегающей к нему зоной турецкой территории. Напрасно лучшие авторитеты русского военного штаба, как генерал Алексеев, считали, что „каковы бы ни были наши надежды и расчеты на использование вмешательства в войну Турции, чтобы вознаградить себя за ее счет при заключении мира, мы должны признать, что эти расчеты не оправдались и едва ли могут оправдаться в течение этой войны“: их точка зрения, по которой „благоприятные последствия мира с Турцией“ были „неисчислимы“, не могла возобладать над захватническими стремлениями русского империализма. Цар-

ская дипломатия упорно добивалась признания за Россией особых прав на проливы. 4 марта 1915 г. Сазонов передал французскому и английскому послам в Петрограде „памятную записку" следующего содержания: „Ход последних событий приводит его величество императора Николая к мысли, что вопрос о Константинополе и проливах должен быть разрешен окончательно и сообразно вековым стремлениям России. Всякое решение будет недостаточным и непрочным в случае, если город Константинополь, западный берег Босфора, Мраморного моря и Дарданелл, а также южная Фракия до линии Энос—Мидия не будут впредь включены в состав Российской империи. Равным образом и в виду стратегической необходимости часть азиатского побережья, в пределах между Босфором, рекой Сакарией и подлежащим определению пунктом на берегу Исмидского залива, острова Мраморного моря, острова Имброс и Тенедос должны быть включены в состав империи". Это грубое вымогательство со стороны русской дипломатии, спешившей делить шкуру еще не убитого медведя, вызвало соответствующие ответы французского и английского правительств. Английское правительство выразило свое согласие „в случае, если война будет доведена до успешного окончания и если будут осуществлены пожелания Великобритании и Франции как в Оттоманской империи, так и в других местах...". Еще более циничным оказался ответ французского посла в России: „Правительство республики дает свое согласие... при условии, что война будет доведена до победного конца и при условии осуществления Францией и Англией их планов на Востоке, равно как и в других местах, как это сказано в русской памятной записке". Своими ответами Франция и Англия достигали своей главной цели—заставить Россию ради обладания Константинополем воевать с Германией во что бы то ни стало и какой бы то ни было ценой. Даже больше того, прекращая неудачную операцию в Дарданеллах по нежеланию таскать для России каштаны из огня, союзники заставили царское правительство не только вести войну до победного конца, но и до выполнения всех своих завоевательных целей, размер и характер которых, вдобавок, не были даже оговорены. Заключительная фраза французского ответа была прямой ложью, так как записка Сазонова

никаких указаний на французские и английские планы захватов на Востоке, „равно как и в других местах", не содержала. Таким образом русское правительство выдавало своим союзникам под сомнительный захват Константинополя и проливов обязательства самого широкого и неопределенного характера, совершенно не заботясь ни о своих способностях к их выполнению, ни о всех остальных интересах той же России. Немудрено, что один член русского государственного совета выразился про эти „успехи" сазоновской дипломатии следующим образом: „И сказать, что это министр иностранных дел! Но это ужасно".

Дипломатия Антанты.

Уже незадолго до февральской революции в России французское правительство уточнило свое „равно как и в других местах". За предоставление в русское обладание Константинополя и проливов французская дипломатия потребовала, чтобы русское правительство поддерживало следующие ее требования при определении восточных границ Франции: „1) Эльзас и Лотарингия должны быть возвращены Франции. 2) Границы их должны простираться по меньшей мере до границ бывшего лотарингского герцогства и быть установлены по усмотрению французского правительства с расчетом удовлетворить стратегическим требованиям и включить вновь в состав французской территории весь заключающий в себе железную руду район этой области, равно как каменноугольный бассейн долины Саар. 3) Остальные области, расположенные на левом берегу Рейна и входящие в настоящее время в состав германского государства, будут выделены и освобождены от всякой политической и экономической зависимости от него. 4) Из областей, не вошедших в состав французской территории, будет образовано автономное и нейтрализованное государство, которое должно пребывать под оккупацией французскими войсками до тех пор, пока вражеские страны не удовлетворят полностью всех условий и гарантий, включенных в текст мирного договора". Согласиться на поддержку такой программы французского правительства означало связать себя по рукам и по ногам, так как ее выполнение могло осуществиться лишь при полнейшем разгроме Германии и исключало всякую возможность разумного согла-

шения воюющих сторон до полного разгрома одной из них. Тем не менее, царское правительство выдало и этот вексель, но потребовало, в свою очередь, полной свободы при определении своих западных границ. Франция выразила свое согласие, но отказалась сделать это столь же подробно, как сделала сама по отношению к своим восточным границам, ограничившись таким общим выражением, как „правительство французской республики... признает за Россией полную свободу при определении ее западных границ". Если в Европе французская дипломатия выступила столь бесцеремонным образом, то еще менее сомнений возбуждал среди держав Антанты дележ Азиатской Турции. В целом ряде соглашений, заключенных в 1915—16 годах, дипломатия Антанты договаривается об окончательном разделе остальных турецких владений, торгуясь из-за всякой подлежащей разделу области и обставляя эту торговлю иногда чрезвычайно курьезными доводами. Так, сэр Марк Сайкс, одно время уполномоченный английского правительства в Петрограде, пробовал выставить через посредство английского посла сэра Бьюкенена следующие доводы в пользу того, что Россия не должна стремиться к захвату Армении: „Неподготовленная и полная передача Армении России повлечет за собою включение в русскую политическую систему страны, переполненной революционными обществами, находящимися в постоянных сношениях с существующими революционными организациями на Кавказе и Персии". Разумеется, дело было не в охранении русского правительства от революционной заразы, а в том, что появление России в Армении было непосредственной угрозой для моссульского нефтяного района. В конце-концов из азиатских владений Турции на долю России пришлись области Эрзерума, Трапезунда, Вана и Битлиса вплоть „до подлежащего определению пункта на побережье Черного моря к западу от Трапезунда"; Франция потребовала себе Сирию с заливом Александретты и Киликию, Англия—Месопотамию, порты Кайфу и Акру в Сирии. Из Палестины предполагалось устроить международную территорию, а из Аравии „независимое" арабское государство под протекторатом Англии в южной его части и Франции—в северной. Если прибавить к этому раздел захваченных германских колоний между Францией и Англией и те обе-

щания, которые были сделаны Сербии за счет Австрии, то в результате получится уже знакомая картина обычного империалистического дележа, только в более грандиозном размере.

Вовлечение в войну нейтральных государств.

Державы Антанты не только устанавливали свои собственные аннексионистские планы,—предложениями аннексий они втягивали в свой лагерь и нейтральные страны. Прежде всего они обратились с соблазнительными предложениями к Болгарии. Для Болгарии был очень желателен один лакомый кусок — Македония, но как раз здесь и был камень преткновения для антантовской дипломатии — аннексионистские стремления Сербии, которая ни за что не хотела поступиться Македонией в пользу Болгарии. Поэтому попытка Антанты подкупить Болгарию куском Македонии потерпела неудачу. Весной 1915 года Антанта предложила Болгарии гораздо более выгодные условия, и возможно, что Болгария выступила бы, если бы успехи германского наступления на русском фронте не приняли такого решительного характера. Упорство сербов еще более помогло австро-германской дипломатии, и осенью 1915 г. Болгария открыто выступила против своей „освободительницы" России. Значение этого болгарского выступления было крайне велико: оно помогло австро-германскому блоку создать единый фронт от Северного моря до Месопотамии. Неудача в переговорах с Болгарией заставила Антанту обратить свои взоры на Румынию, которая прекрасно чувствовала все свое значение и далеко не была склонна дешево продать свое участие в войне. Румыния была не прочь распространить свои притязания не только на полунемецкую Трансильванию и полусербский Банат, но и на находившуюся в непосредственном обладании России Бессарабию. Французская дипломатия, в лице своего представителя в Бухаресте, была расположена к поддержке этих румынских притязаний, что, конечно, вызвало негодование русского правительства. Плохое положение на русском фронте давало румынам возможность все более набивать цену за свое содействие. Антантовской дипломатии не помогали даже взятки англичан, купивших у Румынии пшеницу, которой они все равно не могли вывезти. Румынское правительство заключало с Англией торговые сделки, но в то же время

не брезговало заключением торгового договора с Германией. Только удачное наступление Брусилова весной 1916 г. вывело румын из их торгашеского настроения, и, получив от Антанты щедрые обещания о прирезках в австрийских Буковине, Банате и Трансильвании, Румыния вступила в войну осенью этого же года. Еще более характерны обстоятельства, сопровождавшие вступление в войну Италии. Италия была связана союзным договором с центральными державами, но этот договор почти что не имел фактического значения, так как Италия успела в достаточной мере связать себя соглашениями со странами Антанты, а главное—обладала столь открытым положением с моря; что английский и французский флоты могли свободно держать под контролем итальянские берега. Держа Италию как бы в кулаке, Антанта первое время не особенно щедро расточала свои обещания итальянским империалистам. В частности Россия проявляла особенную подозрительность к стремлению Италии сделать из Адриатического моря внутреннее итальянское озеро, захватив берега Адриатики со славянским населением. Поражение русских войск в Карпатах сделало Антанту более уступчивой по отношению к итальянским домогательствам. В результате 26 апреля 1915 г. в Лондоне состоялось соглашение между державами Антанты и Италией, по которому Италия получала щедрое вознаграждение за счет Австрии в виде Трентино, части Тироля, Триеста, Далмации и Валоны. Однако, аппетиты итальянского империализма этим не удовлетворились. Как только итальянское правительство узнало о соглашении относительно Константинополя и о проектах раздела Азиатской Турции, им был заявлен целый ряд претензий на турецкие области в южной части Малой Азии. Эти новые итальянские притязания встречали отпор со стороны Антанты вплоть до тех пор, пока Россия вследствие наступившей революции оказалась небоеспособной. Плохие надежды на военное сотрудничество России заставили Францию и Англию быть внимательнее с Италией, и, уже совершенно не считаясь с русским временным правительством, англо-французская дипломатия весной 1917 г. предоставила Италии в будущем целый ряд турецких провинций на юге Малой Азии. Если по отношению Болгарии, Румынии, Италии дипломатия Антанты действовала путем посулов и обе-

щаний, то по отношению к Греции было употреблено прямое насилие в виде блокады ее берегов, и греческий король Константин, стоявший во главе более мирно настроенной греческой буржуазии, которая желала нажиться в мировой войне, не вступая в нее, был принужден отречься от престола и уступить место воинственно настроенному правительству Венизелоса, которое, применив режим террора, приняло участие в войне на стороне Антанты. Таким образом державы произвели самую настоящую расправу над греческим правительством. Греция также получила право аннектировать некоторые турецкие области.

Австро-германская дипломатия.

Разумеется, германский империализм имел такие же планы захватов и контрибуций, как и империализм Антанты, но большая изолированность центрально-европейских держав во время войны не дала возможности аннексионистским планам Германии запечатлеться так подробно и красноречиво, как соответствующим планам Антанты. В общем Германия стремилась к захвату рудоносных районов Франции, лежавших поблизости от франко-германской границы, захвату западных русских провинций и переделу колониальных владений Европы в свою пользу. Эти планы германских империалистов особенно ясно вскрылись при заключении Брест-Литовского мира, который воочию показал всю суть и все лицемерие империалистской дипломатии. Германские дипломаты „приняли“ провозглашенный русской революцией лозунг мира без аннексий, чем даже испугали алчных, но плохо осведомленных во всех тонкостях дипломатической игры болгар. Болгарский представитель прямо заявил, что „они и в войну-то вступили из-за аннексий и не намерены от них отказываться“, как рассказывает известный немецкий генерал Гофман. Испуг болгар был действительно преждевременен: Германия не считала аннексией отделение Польши, Литвы и Курляндии от России, так как, по словам того же Гофмана, „представители этих трех народов заявили о выходе своем из состава русского государства. Поэтому центральные державы не считают аннексией определение дальнейшей судьбы этих трех государств путем непосредственного сношения с их представителями, без участия русских властей“. Если прибавить

к этому, что ни о каком свободном самоопределении Польши, Литвы, Курляндии в данный момент не могло быть и речи, так как их территории были заняты германскими войсками, а их буржуазия всего более боялась восстания рабочих под влиянием Октябрьской революции, то все бесстыдство германской дипломатии выступит наружу. Заключение Брест-Литовского мира по настоянию Ленина имело поэтому совершенно исключительное значение в истории мировой войны. В первый раз совершенно отчетливо и ясно из-за лжи газетных и журнальных статей и правительственных деклараций выступило подлинное лицо империалистской политики со всеми ее стремлениями и приемами. Германский империализм разоблачил самого себя. Это пошло на пользу и Антанте, которая могла теперь ссылаться на явленный всему миру пример захватнической политики германского империализма, но эти заявления антантовских дипломатов были так же лицемерны, как поведение их германских собратьев в Бресте, так как они ссылались на пример Бреста лишь для того, чтобы в свою очередь устроить такой же и еще худший Брест для Германии.

Доходы капиталистов во время войны.

В то время, как дипломаты воюющих держав сговаривались о будущем дележе территорий противника, в капиталистической промышленности шел уже настоящий дележ военных прибылей и сверхприбылей. В первую очередь наживались поставщики съестных припасов и предметов первой необходимости, а также поставщики провианта и амуниции для армии. Но и эти прибыли бледнели перед теми, которые получались судовладельцами, а, главное, поставщиками военного снаряжения для армии—орудий, снарядов, пулеметов и т. д. Последнее обстоятельство об'яснялось тем, что война, особенно на западном фронте, приняла характер грандиозного состязания между тяжелыми индустриями соответствующих стран. Самым важным вопросом для каждой армии являлся вопрос о снабжении ее снарядами и тяжелыми орудиями. Каких колоссальных размеров достигла трата снарядов, можно видеть из подсчета одного немецкого генерала, который вычислил, что германская артиллерия за четыре часа сражения с русскими на Дунайце (1915 г). выпустила столько же сна-

рядов, сколько за всю франко-германскую войну 1870—71 гг. [1]). Неуспех немцев в битве на Марне, который воспрепятствовал им захватить Париж, об'ясняется главным образом тем, что они в стремительном движении вперед не успели подвезти тяжелой артиллерии, в то время как французы смогли собрать достаточное количество тяжелых орудий, снятых с крепостных фортов. Недостаток артиллерии и особенно артиллерийских снарядов послужил причиной поражения русской армии в Карпатах. Французский штаб, так долго и основательно готовившийся к войне, сделал, тем не менее, в начале войны грубую ошибку, мобилизовав и отправив на фронт рабочих железоделательных и сталелитейных заводов, и эту ошибку пришлось немедленно исправлять, посылая рабочих с фронта обратно к станку. Германский штаб оказался гораздо более прозорливым и обратил более внимания на техническую подготовку войны. Поэтому и могла получиться такая несообразность, как огромная разница в военной подготовке Германии и ее противников. В первые месяцы войны английские заводы изготовляли всего 10.000 снарядов в день, а германские с австрийскими 250.000. Англии и Франции пришлось быстро перестраивать всю свою тяжелую индустрию, чтобы иметь успех в военных действиях. Развитие же всей этой военной промышленности давало в руки капиталистов огромные прибыли. В 1915 г. английский министр финансов Мак Кенна провел налог на военные доходы. Суть этого налога сводилась к тому, что прибыль каждого предприятия делилась на две части—„военную“ и „невоенную“,— при чем последняя вычислялась, как средняя прибыль за два наиболее доходных года из последних трех лет до войны. Из военной же прибыли 50% брались правительством в виде налога. По вычислениям Мак Кенна, этот налог должен был принести правительству 30.000.000 фунтов стерлингов за один год. Однако, и эти колоссальные прибыли продолжали расти, и год спустя Мак Кенна предложил новый налог, доводивший правительственную долю в военной прибыли до 60%.

---

[1]) Об'ясняется это тем, что в прежних войнах артиллерия действовала в течение боев, продолжавшихся один, два, самое большее три дня (бой под Лейпцигом, в 1813 г.), но уже в русско-японскую войну бой под Мукденом длился почти неделю, а во время мировой войны пушки гремели по целым неделям без перерыва (Ипр, Галиция, Верден и т. д.).

По этому новому налогу в пользу казны должно было отчислиться 86.000.000 фунтов стерлингов в течение года. Если так бешено росли прибыли английских капиталистов, то масса рядового английского населения относительно беднела, так как цены на продукты первой необходимости безудержно росли. По данным английского департамента торговли за 1916 г., следующие продукты первой необходимости повысились в цене сравнительно с довоенным временем: хлеб на 40%, мясо от 40 до 60%, чай на 30%, сахар на 68%. Львиная доля от повышения в цене этих продуктов попала в карман английских судовладельцев, так как Англия получала их из своих колоний, а провозная плата за грузы была увеличена в больших размерах. О размерах этого увеличения можно судить по следующим данным: сделавшаяся союзницей Англии Италия жила английским углем и керосином, и привозная плата за эти продукты возросла к началу 1916 г. в 10—15 раз сравнительно с довоенной. Так же патриотически действовали английские судовладельцы по отношению к Франции. Провоз тонны угля из Кардифа в Марсель вздорожал к началу 1916 г. в 12 раз. Те же самые явления можно было наблюдать и во Франции, с той только разницей, что французское правительство гораздо более робко приступило к обложению военных прибылей, а поднятие цен на предметы первой необходимости об'яснялось скорее внутренней спекуляцией, так как Франция менее, чем Англия, зависела от иностранного ввоза. Показателем прибылей германских заводчиков служит рост доходов фирмы Круппа, согласно с официальными показаниями которой чистый доход в 1914—15 гг. возрос на 140% сравнительно с 1913—14 гг. Вокруг этого бешеного роста цен, расцвета спекуляции, создания новых состояний пышно развились всякого рода темные сделки и даже просто преступное мошенничество. Запертая блокадой союзников Германия испытывала острую нужду в некоторых металлах, необходимых для ее внешней промышленности, и французское „Общество карбидов“ поставило немцам за время с сентября 1914 г. по февраль 1915 г. 300 тонн цианамида — вещества, необходимого для германских военных заводов. Когда об этом было возбуждено дело во французской палате депутатов, один из ее членов воскликнул в своей речи: „Вот что можно будет ска-

зать французским солдатам: пули и снаряды, которые поразят вас, носят французскую марку, имеют французское происхождение". Впрочем, деятельность капиталистических контрабандистов не ограничилась одним этим скандальным делом: каким-то образом в Германию проникали никель и другие металлы, которых недоставало немцам, и французский сенатор Беранже грозно вопрошал в газетной статье: „Кто такие все эти французы, занимающиеся во время войны контрабандной торговлей с неприятелем и продающие последнему целыми тоннами металлы, одного грамма которых достаточно, чтобы убить или искалечить одного из наших сыновей или братьев?" Если эти проделки граничили с государственной изменой, то деятельность капиталистических предпринимателей внутри воюющих стран тоже часто находилась на грани уголовного преступления. Один умеренный депутат французской палаты заявил: „Мы готовы всеми силами поддерживать во имя национальной обороны священное единство, но мы не желаем единства вокруг грабежа и мошенничества!" И действительно, французское военное министерство иногда покупало аэропланы вдвое дороже нормальной цены, торговцы лентами, каучуком и просто проходимцы, успевавшие во-время дать взятку, получали подряды на поставку снарядов, лошадей, амуниции и, в лучшем случае, получив комиссионные, передавали заказы специалистам, а в худшем,—поставляли никуда негодную дрянь. Одна крупная французская фирма получила огромные заказы на поставку белья и одежды для армии по ценам на 20% более высоким, чем цены, предложенные синдикальной палатой хозяев-портных города Мана, несмотря на то, что это об'единение портных обещало распределить свои прибыли между нуждающимися вследствие войны в своей среде. Те же самые явления наблюдались и в среде германских поставщиков. Таким образом к непомерным прибылям военного времени прибавлялись прибыли от всевозможного рода спекуляций, мошенничеств и обманов. Мировая война оказалась золотым дном для капиталистического предпринимательства, и немудрено, что ряд капиталистов, имевших особенно большие выгоды от продолжения войны, все время разжигал военные страсти и стоял за продолжение войны „до победного конца". Таким сторонником беспощадной войны являлся знаменитый

Гуго Стиннес, сумевший в больших размерах расширить свои предприятия во время войны, а затем ухитрившийся еще более их увеличить во время вызванного военным поражением хозяйственного развала Германии.

Вмешательство Соединенных Штатов.

Несмотря на усилия противников, война затянулась до 1917—18 г. Австро-германский блок в союзе с Болгарией и Турцией в общем выдерживал натиск Антанты на всех фронтах и даже вел войну почти исключительно на захваченных у неприятеля территориях. Области центральных европейских держав были похожи на одну огромную крепость, которая осаждалась государствами Антанты, пытавшимися путем блокады заморить Германию голодом. Нехватка продовольствия и необходимость как-нибудь закончить войну вынудили Германию об'явить беспощадную подводную войну и начать блокаду Англии и Франции. Германским подводным лодкам было приказано топить все суда под любым флагом, приближающиеся к вражеским берегам. Эта мера рассматривалась прессой Антанты, как особенно яркое доказательство германского „варварства", хотя трудно было сказать, почему не было варварством блокировать Германию надводным флотом. Самым страшным для Германии был, однако, не этот вой английской и французской печати, а вступление в войну Американских Соединенных Штатов. Это вмешательство американцев обусловливалось всем ходом развития американской истории. Еще в начале XIX века американская буржуазия требовала от европейских держав невмешательства во внутренние дела американского континента. Это требование было изложено в послании президента Соединенных Штатов Монроэ к конгрессу от 2-го декабря 1823 г. По своему времени это требование было скорее прогрессивным, так как оно предотвращало вмешательство реакционных держав Европы в американские дела. Эта так называемая „доктрина Монроэ" сводилась, следовательно, к положению—„Америка для американцев". К концу XIX века эта формула, в переводе на язык экономики обозначавшая—Америка для капитала Соединенных Штатов,—благодаря чрезвычайно быстрому росту американского капитализма устарела. Американская индустрия стала конкурировать с европейской не только

в самих Соединенных Штатах, но и в самой Европе и в других областях земного шара. В 1898 г. президент американской „Национальной ассоциации фабрикантов“ заявил: „Мы имеем в руках все основные факторы промышленной гегемонии: уголь, железо, сталь. До сих пор Соединенные Штаты были житницей мира, но мы надеемся, что скоро наша страна сделается мировой фабрикой, чтобы затем выступить в роли международного банкира“. Вскоре после этой гордой речи С. Штаты вступили на путь воинствующего империализма, об'явив войну Испании с целью захвата некоторых колониальных владений последней. Влияние американского капитала особенно привлекал остров Куба, в рудники, плантации и железные дороги которого было вложено американскими капиталистами свыше 85 миллионов долларов. Испания была разбита, и по мирному договору, подписанному в Париже, Куба была об'явлена „независимой“, т.-е. фактически перешла в обладание американского капитала, а, кроме того, Соединенные Штаты получили принадлежавшие Испании тихоокеанские острова—Гуам и Филиппины. Доктрина Монроэ не только провозглашала невмешательство Европы в американские дела—она заявляла, что и американцам нет дела до того, что происходит в Европе. Выход Соединенных Штатов в Тихий океан разрушил эту вторую часть доктрины. Для С. Штатов и их капитала открылись пути в Азию. Еще в 1897 г. государственный секретарь С. Штатов заявлял, что в Китае у американцев нет торговых интересов, и потому они не будут вмешиваться во внутренние дела Китая, а в 1900 г., после приобретения Филиппинских островов, Соединенные Штаты уже приняли участие в карательной экспедиции в Пекин. В 1901 г. С. Штаты договорились с Англией о постройке Панамского канала, который должен был строиться американцами, но остаться международным. Этот канал, соединявший Атлантический и Тихий океаны, имел первостепенное стратегическое и торговое значение для С. Штатов со времени появления их интересов на азиатском материке, и естественно, что американский капитализм приложил все усилия, чтобы захватить полную и безраздельную власть над каналом. Когда республика Колумбия, по территории которой должен был пролегать канал, не согласилась на предложенные ей условия по соору-

жению канала, С. Штаты устроили в Колумбии „революцию", вследствие которой от Колумбии отделилась маленькая республика Панама. Эта республика была сейчас же признана американским правительством и, конечно, дала разрешение на дальнейшую постройку канала. Затем С. Штаты прямо нарушили свой договор с Англией, назначив для американских судов льготные условия для пользования каналом, и стали сооружать грандиозные укрепления для его защиты. Так в руки С. Штатов перешел второй по своему значению канал в мире. Колоссальное развитие тяжелой индустрии в С. Штатах побудило американских капиталистов искать участия в мировой войне, так как перспектива вытеснить Германию с ее рынка и получить огромные заказы для снаряжения армии и флота была очень соблазнительна, тем более, что американская буржуазия уже успела основательно нажиться на поставках различных припасов государствам Антанты и желала пустить вырученные прибыли в оборот. В 1917 г. С. Штаты, несмотря на отчаянные усилия той части американской печати, которая была подкуплена Германией, вступили в войну. Это дало решительный перевес Антанте, так как для нее открылся неисчерпаемый резервуар предметов первой необходимости, артиллерийского снаряжения и финансовых средств. Даже выход из войны России не мог повлиять на получившееся соотношение сил. Правда, германцам удалось вывезти из Украины большое количество припасов, но вместе с этими припасами они вывезли из России революционную пропаганду, которая вместе со снятыми с восточного фронта войсками появилась в самой Германии, где вследствие военного истощения и усталости нашла себе более чем благоприятную почву. После вступления С. Штатов война, действительно, сделалась „мировой", так как вступившая в войну еще в 1914 г. Япония ограничилась местными действиями против германской колонии Тзинь-Тау на Дальнем Востоке, американские же войска приняли участие и в операциях на европейском театре военных действий. Участь Германии, несмотря на отчаянные попытки германского военного командования добиться в 1918 г. решительных успехов на западном фронте, при чем эти попытки, благодаря отсутствию единого командования у армий Антанты, чуть было не увенчались успехом, была решена.

Версальский мир. Уже 8 января 1918 г. американский президент Вильсон формулировал в своих четырнадцати пунктах те условия, на которых С. Штаты были согласны вступить в мирные переговоры с Германией. Существенное содержание этих пунктов сводилось к следующему: отказ от тайной дипломатии, свобода морей и торговли, ограничение вооружений, очищение и восстановление Бельгии, Румынии, Сербии, Черногории, самостоятельное развитие народностей Австро-Венгрии и Турции, создание независимой Польши, интернационализация Дарданелл и возвращение Эльзас-Лотарингии во владение Франции. Кроме этого, Вильсон требовал создания особого международного об'единения наций „в целях создания взаимной гарантии политической независимости и территориальной целости как больших, так и малых государств". Когда в октябре 1918 г. началась военная катастрофа у Германии и ее союзников, германское правительство отправило президенту Вильсону просьбу взять на себя восстановление мира на основах заявленной президентом программы. Ответ Германия получила не сразу: сначала велись переговоры между С. Штатами и их союзниками, а от немцев американское правительство потребовало изменения политического строя Германии в качестве гарантии. Как только выяснилась полная военная беспомощность Германии, ей была вручена нота союзников о согласии заключить мир на основе 14 пунктов, за исключением пункта о свободе морей, который был по существу невыгоден ни Англии, ни С. Штатам, и при условии возмещения Германией всех убытков, причиненных гражданам Антанты и другим союзным государствам военными действиями германцев на суше, на воде и в воздухе. Германия была принуждена покориться этому изменению вильсоновских условий, и 11 ноября в вагоне главнокомандующего армиями союзников маршала Фоша было подписано перемирие, которое отнимало у Германии малейшую способность к сопротивлению и выдавало ее на произвол врагов. Мирные переговоры, если можно вообще так назвать все те действия, которые предшествовали тому моменту, когда союзники продиктовали Германии мир, начались в Париже 18-го января 1919 г. Первоначально С. Штаты, Англия, Франция, Италия, Япония и др. противники Германии выработали те условия, которые должны были быть

пред'явлены Германии. Эти условия были выработаны целым штабом представителей, экспертов и советников, но вершителем судеб на самой мирной конференции был сначала так называемый „Совет Десяти" в составе глав правительств и министров иностранных дел Англии, Франции, С. Штатов, Италии и двух первых по рангу представителей Японии, а затем просто „Совет Четырех", в который входили: Вильсон от С. Штатов, Ллойд-Джордж от Англии, Клемансо от Франции и Орландо от Италии. Представители всех остальных государств были только для бутафории, и все главные вопросы разрешались келейно Ллойд-Джорджем, Клемансо и Вильсоном, которым удалось даже обмануть Орландо, в знак протеста покинувшего в конце-концов конференцию. Благодаря этим приемам тайной дипломатии, и Ллойд-Джорджу и Клемансо, представлявшим собой образец ловких европейских политиков, удалось частью обойти, частью переубедить тяжелодумного и неповоротливого Вильсона. Каждый из них при этом преследовал свои цели: Ллойд-Джордж был озабочен происходившими в Англии парламентскими выборами, и ему надо было убедить английского избирателя в правильности своей политики, обещав покрытие военных расходов на счет Германии; Клемансо также должен был оправдать обещания французского правительства, что „бош", как во Франции называли немцев, заплатит за все протори и убытки. Результатом всех этих благих намерений было пред'явление немецкой мирной делегации таких тяжелых мирных условий, что немецкие делегаты пришли в ужас и выставили свои контр-предложения, но эти вопли о пощаде были тщетны: германскому правительству пришлось подписать мирный договор, „не отказываясь, однако, от своего мнения о неслыханной несправедливости мирных условий". Действительно, в том виде, как он был подписан, Версальский мир представлял собой совершенно неслыханный акт насилия и произвола над побежденным врагом. Союзники не только обезоружили Германию, заставив ее выдать весь военный флот, уничтожить укрепления и форты германских крепостей и ограничить состав армии 100.000 человек для поддержания внутреннего порядка, но главным образом по французским настояниям—попытались разорить весь хозяйственный организм Германии. В пользу Франции ото-

шел не только округ Эльзас-Лотарингии с его залежами железной руды, но и Саарский угольный бассейн, окончательная судьба которого должна была выясниться 15 лет спустя после подписания мирного договора. Выделение части Верхней Силезии для Польши также лишило Германию каменноугольных запасов. Потеря Эльзас-Лотарингии означала для Германии потерю 76% всей германской железной руды, 64% томасова шлака и 26% всего наличного в Германии калия. В Верхней Силезии Германия лишилась 95% находившихся там залежей каменного угля, 75% свинцовых рудников, 60% добычи цинка. Таким образом были подрезаны жизненные нервы всей германской индустрии. Если добавить сюда конфискацию торгового флота Германии: она должна была выдать все суда вместимостью свыше 1.600 тонн, половину судов вместимостью от 1.000 до 1.600 тонн и четвертую часть всех рыболовных судов,—то получится полная картина экономического разорения Германии. Но эта разоренная и истерзанная долгой и изнурительной войной Германия должна была выплачивать союзникам еще огромные суммы под видом так называемых „репараций“,—возмещений для восстановления пострадавших от войны областей. В этом несоответствии экономического разорения и обязательства выплачивать репарации и заключалось главное противоречие Версальского мирного договора. Вдобавок репарационные платежи, которые должна была производить Германия, даже не были точно вычислены в мирном договоре, а их вычисление и порядок взимания были поручены особой репарационной комиссии. Германию просто заставили подписать вексель на неопределенную сумму. Известный английский экономист Кейнс, сначала принимавший участие в выработке условий мирного договора, но затем отказавшийся участвовать в выработке явно грабительского документа, вычислял, что приблизительный размер всех тех платежей, которые должны были быть взысканы с Германии репарационной комиссией, выражается в колоссальной сумме 780.000.000 фунтов стерлингов в год в течение 48 лет со дня заключения перемирия. Разумеется, эта цифра совершенно фантастична, но она показывает, что этой уплатой репараций, которые, однако, согласно с известным пунктом Вильсона, не считались контрибуцией, союзники хотели держать Германию на коленях

такое количество лет, какое бы им заблагорассудилось. Интересно, что тот же Кейнс делал следующее заключение относительно репарационной суммы, причитающейся с Германии: „Я думаю, что было бы благоразумно и справедливо согласиться на сумму в 2.000 милл. фунт. стерл. в качестве окончательного расчета...“ Тем не менее невыполнение Германией условий непосильного договора должно было влечь за собой применение „санкций“, иначе говоря, военную оккупацию пограничных германских областей. Так как часть прирейнской Германии уже была оккупирована в обеспечение выполнения мирного договора, то строгое применение Версальского мира отдало бы всю Германию на растерзание ее главного врага—Франции. Неисполнимость условий мирного договора стала сказываться немедленно после его заключения: целый ряд конференций, созывавшихся для установления германских платежей, с одной стороны, вызвал оккупацию Рурской области англо-французскими войсками, что еще более уменьшило платежеспособность Германии, а с другой—заставил союзников основательно пересмотреть условия германских платежей. Этому ослаблению ростовщических условий Версальского мира сильно помогло начавшееся соперничество Англии и Франции. Для английской буржуазии было весьма невыгодно одностороннее усиление Франции на континенте Европы, да и хозяйственное разорение Германии оказалось мало выгодным для английского капитализма. Более того, Соединенные Штаты, с благословения президента которых и был заключен Версальский мир, отказались принять его и таким образом отделились от своих прежних союзников. Война, начатая, как заявляла капиталистическая пресса, во имя всех начал справедливости, окончилась миром, заключенным людьми, относительно которых Кейнс ядовито замечает: „Все их помыслы, благие и дурные без различия, были посвящены границам и национальностям, равновесию сил, империалистическим расширениям, ослаблению могущественного и опасного врага, мщению и заботе о том, как бы, пользуясь своей победой, свалить невыносимое финансовое бремя на плечи побежденного противника“. И над всем этим памятником империалистического насилия красовалась лицемерная 231 статья Версальского договора: „Союзные и об'единившиеся правительства заявляют, а Германия признает,

что Германия и ее союзники ответственны за причинение всех потерь и всех убытков, понесенных союзными и об'единившимися правительствами и их гражданами вследствие войны, которая была им навязана нападением Германии и ее союзников".

Сен-Жерменский мир. Не менее жесток был навязанный союзниками Австрии Сен-Жерменский мирный договор. „Лоскутная" монархия Габсбургов пошла по пути распада еще до конца мировой войны. Уже 30 мая 1917 г. чехи, поляки и южные славяне потребовали для себя политической независимости „в рамках свободной австрийской конфедерации". Военный разгром повлек за собой немедленное распадение Австро-Венгрии на ее составные части, и это распадение, хотя и со значительными поправками, было санкционировано победоносными союзниками. Значительные куски прежней Австро-Венгрии достались Италии, Румынии, Сербии, переменившей свое название на „королевство сербов, хорватов и словен" (Юго-Славия), и составленной из бывших русских, германских и австрийских владений Польши. Из остальных частей бывшей Австро-Венгерской империи были выкроены новые государства—Венгрия, Чехо-Словакия и собственно Австрия. По выражению Ллойд-Джорджа, центральная Европа была „балканизирована"—разделена на целый ряд соперничающих между собой мелких государств. Соперничество этих государств обусловливалось самым характером этого раздела. Особенно бессмысленно было выделение собственно Австрии. Она должна была получить характер чисто-немецкого государства, но, с целью ее ослабления и удовлетворения ее соседей, от нее были отняты области, в которых немецкое население составляло до 78%. В результате Австрия, по выражению одного из ее министров, стала похожей „на человека, которому отрубили руки и ноги, но от которого требуют все же, чтобы он ходил и работал".

В самом деле Австрия превратилась в страну с искусственными границами, со столицей, в которой сосредоточена целая треть ее населения. Вдобавок она целиком зависит от иностранного ввоза в деле снабжения предметами питания. У нее имеются значительные железные залежи, но совершенно нет угольных запасов. На этого уродца постановле-

ниями Сен-Жерменского мира тоже были возложены репарации, но вскоре они были признаны совершенно невыполнимыми. Разумеется, из этого тупика был один вполне приемлемый для Австрии выход—присоединение к Германии, но как раз именно этот выход был воспрещен соответствующими статьями Версальского и Сен-Жерменского договоров. Тогда для Австрии осталась лишь одна возможность—превратиться в подчиненного держав-победительниц, попасть в полную зависимость от английского и французского капитализма. Бывший итальянский первый министр Нитти так писал о действиях союзнической „контрольной" комиссии в Вене: „Что представляют собой расходы контрольных комиссий с их безумной расточительностью, оскорбляющей чувство побежденных, страдающих от голода... Поведение дунайской комиссии в Вене и Будапеште—это настоящий пир во время чумы... Наступит день, когда будет заклеймена позором вся эта жадная банда рассеянных по лицу Европы авантюристов, из которых могли бы получиться средневековые грабители. Эти ненужные громоздкие комиссии с безумным расточением денег—подлинные воровские притоны". Эта лестная характеристика имеет в виду верховный орган победителей для проведения в жизнь постановлений Сен-Жерменского мира, что было лишь введением к установлению экономической диктатуры над побежденным и изуродованным противником. Под личиной мнимой политической независимости Австрия была превращена в колонию английского и французского капитала.

Севрский мир и Турция. Но, может быть, самым ярким проявлением империалистического произвола и насилия был мирный договор, навязанный Турции и подписанный в Севре 10 августа 1920 г. Этот договор был заключен даже не с настоящим турецким правительством, которое образовалось к этому времени в Ангоре с Кемалем-пашой во главе и действительно представляло национальные интересы Турции, а с находившимся в руках англичан турецким правительством в Константинополе. По этому миру от Турции были отторгнуты так называемые „мандатные" страны. Англия получила мандат на управление Месопотамией, а Франция—Сирией. Это обстоятельство было крайне важно для англи-

чан; еще в связи с признанием прав России на проливы они получили в свое преимущественное обладание серединную зону Персии, которая была нейтральна по договору 1907 г., а в 1919 г. заключенный ими с Персией договор ставил последнюю почти в полную зависимость от Англии. Получение мандата на управление Месопотамией отдавало месопотамскую нефть и хлопок в полное распоряжение английского капитала. Ллойд-Джордж, не отличавшийся сильным знанием европейской географии и на заседаниях „совета четырех" в Париже не знавший, где находится Тешен [1]), прекрасно знал, что в Моссуле есть нефть, чего как раз не знал сильный в европейской географии Клемансо, после признававшийся своему английскому коллеге: „Если бы я имел представление о важности Моссула и Месопотамии, я не согласился бы их вам уступить; если бы мне сказали, что уступка Месопотамии повлечет за собой потерю громадной территории, я бы вам в этом отказал". Незнание экономической географии и даже точных размеров Месопотами сыграло плохую шутку с Клемансо. Англия сделалась настоящим диктатором на востоке, поставив под свое ведение Афганистан, Индию, Персию и Месопотамию. Это свое владычество на Ближнем Востоке английский империализм запечатлел и в других статьях Севрского мира. Константинополь оставался во владении Турции,—„правительство, а также его величество султан будут вольны пребывать в нем и сохранять в нем столицу Оттоманской империи", гласила 36 статья договора. Однако, при несоблюдении Турцией всех условий Севрского мира, „союзные державы определенно оставляют за собой право изменить приведенные выше условия", продолжала эта же статья договора и этим ставила Турцию под угрозу немедленной расправы в случае непослушания. Эта угроза вовсе не была пустым местом, так как в проливах должна была хозяйничать союзническая контрольная комиссия со своим корпусом особой полиции и в случае необходимости получать военные силы для оккупации проливов. Прямое издевательство над Турцией представляла 69 статья договора: „Город Смирна и территории... остаются под оттоманским суверенитетом. Однако Турция передает эллинскому правительству осуществление своих прав над Смирной и назван-

[1]) Город в Австрийской Силезии.

ными территориями. В засвидетельствование этого суверенитета оттоманский флаг будет постоянно развеваться над одним из внешних фортов города...". Конечно, для турок было плохим утешением иметь свой флаг в переданном грекам важном торговом городе. Созванное Кемалем-пашой в Ангоре национальное собрание отказалось признать Севрский договор и 29 апреля 1920 г., еще до окончательного подписания мира представителями константинопольского правительства, провозгласило: „Оттоманская нация, сохраняя все свое хладнокровие и выдержку, решилась защищать свои священные и многовековые права, как свободная и независимая страна, и заявляет о своем желании заключить справедливый и достойный мир, признавая в то же время лишь за своими собственными уполномоченными право принимать обязательства от ее имени и за ее счет". Как это ни удивительно, ангорскому правительству Кемаля-паши удалось сдержать свое слово и настоять на своих правах перед вооруженной до зубов Англией: Севрский мир не был приведен в исполнение. Об'яснение тому, что Турции Кемаля удалось осуществить свои национальные стремления, лежит в том, что европейские империалисты не сумели поладить друг с другом относительно дележа турецких областей. Французский империализм был крайне недоволен, что Англия захватила себе львиную долю на Востоке. Поэтому, когда Англия натравила на непокорную Турцию греков, французское правительство стало тайно поддерживать Ангору. Оно отказалось от военных действий в Киликии, в октябре 1921 г. заключило с Ангорой мир и стало поддерживать справедливость турецких требований. Наладившиеся отношения Турции с Советской Россией и поражения греков заставили английское правительство пойти на уступки, и 24 июля 1923 г. в Лозанне был подписан мирный договор, по которому Турция избавилась от унизительных постановлений Севрского мира, получив обратно Смирнский и Трапезундский округа (вилайэты) и Киликию. Так туркам удалось сыграть на отсутствии единства между Англией и Францией, которое сразу выступило наружу после уничтожения общего врага. Правда, Англия не отказалась от борьбы с турецким национальным движением, особенно зорко охраняя моссульскую нефть и препятствуя всяким попыткам новой Турции

вернуть себе потерянные месопотамские области, но все же Турция оказалась не одинокой в борьбе, а, главное, политика Англии сделалась ненавистной для мусульманского мира.

Лига Наций. Вся эта система насилия и грабежа, запечатленная в основных мирных договорах, ликвидировавших мировую войну, должна была окончательно быть закреплена так называемой „Лигой Наций". Положение о Лиге Наций входило во все мирные договоры, заключенные в 1919—20 гг., как особая и неотъемлемая часть. Лига Наций представляла собой объединение держав-победительниц вместе с некоторыми государствами, приглашенными вступить в нее, для мирного разрешения путем обсуждения в совете Лиги или третейским судом всякого недоразумения или столкновения, могущего возникнуть между объединившимися государствами. По уставу Лиги империалистические хищники, залившие всю Европу кровью и затем жестоко расправившиеся со своими побежденными противниками, „обязуются обмениваться самым откровенным и исчерпывающим образом всеми сведениями, относящимися к масштабу их вооружений, к их военным, морским и воздушным программам и к состоянию тех из отраслей их промышленности, которые могут быть использованы для войны". Это наивное и почти комическое постановление должно было обуздать милитаризм империалистических государств. В случае же столкновения между членами Лиги, которые вообще обязывались „уважать и сохранять против всякого внешнего нападения территориальную целость и существующую политическую независимость", требовалось выступление Совета Лиги или особого третейского суда, а при несоблюдении всех этих правил со стороны какого-либо члена Лиги последнему грозило наказание. Если бы такой непокорный член Лиги объявил войну, не обратившись к Лиге Наций, он бы рассматривался „как совершивший акт войны против всех других членов Лиги", которые в таком случае обязывались „немедленно порвать с ним все торговые или финансовые отношения, воспретить все сношения между своими гражданами и гражданами государства, нарушившего статут, и прекратить всякие финансовые, торговые или личные сношения между гражданами этого государства

и гражданами всякого другого государства, является ли оно членом Лиги или нет". Легко видеть, что учрежденная творцами Версальского бесправия Лига Наций являлась ничем иным, как средством закрепить создавшиеся в послевоенной Европе политические отношения, тем более что все эти постановления должны были применяться и по отношению к государствам, не входившим в состав Лиги. В то же время сама „примирительная" деятельность Лиги сводилась почти к пустым фразам, так как всякое постановление Совета Лиги только тогда имело силу, когда оно принималось единогласно. Отсутствие в Лиге Германии и Советской России еще более подчеркивало этот характер Лиги, как учреждения, стоявшего на страже всего империалистического беззакония и насилия. Вступление же в Лигу зависело от признания системы политических отношений, установленных насильническими мирными договорами, а такое признание не для всех государств было возможным. Как мировая война началась под покровом лицемерных стремлений к миру и разоружению, так и ее плоды—мирные договоры прикрывали свое насильническое содержание лицемерным учреждением Лиги Наций [1]).

Стоимость мировой войны.

Чрезвычайно трудно, за отсутствием совершенно точных статистических данных, установить, во что обошлась мировая война человечеству. Более точные данные имеются только относительно потерь Германии: германские итоги потерь приблизительно равны 1.800.000 убитых и 4.200.000 раненых. Сюда не входят смерти от заразных болезней и от недостатка питания. Кроме того, считается, что за время войны число рождений в Германии уменьшилось на 3.200.000. Общий итог убитыми всех воевавших держав по более сомнительным данным равен 10.000.000 человек. Сюда еще надо прибавить 50% пропавших без вести и пленных, что составит еще 3.000.000 чел. Из этой общей цифры смертей на долю России падает около 3.500.000. Но и эти цифры сами по себе недостаточны, так как война, кроме прямого убийства масс людей, принесла с собой массовое распространение туберкулеза, венериче-

[1]) В настоящее время Германия получила право вступления в Лигу Наций, купив его дорогой ценой соглашения с Локарно (осень 1925 г.), по которому она окончательно подчинилась Антанте.

ских болезней, всяких эпидемий и, кроме того, погибшими на войне оказались наиболее способные и здоровые представители мужской половины населения. Не менее красноречивы цифры, относящиеся к стоимости мировой войны. Первый год войны, если отнести в число убытков стоимость разрушенного имущества, потери производства и капитализированную стоимость погибших человеческих жизней, по предположительным вычислениям английского статистика Креммонда, обошелся в 91 миллиард довоенных рублей Если же взять исключительно военные расходы воевавших. держав, то, по данным американского института имени Карнеги, оказывается, что стоимость прямых военных расходов центральных европейских держав равна 128 миллиардам руб., а стоимость расходов победителей — 290 миллиардам руб. Конечно, эти последние цифры отстают от действительной цифры убытков, нанесенных человеческим хозяйствам, так как сюда не входят те колоссальные убытки, которые были вызваны уничтожением человеческих жизней и экономической разрухой. В этом отношении вычисления Креммонда, хотя и несколько гадательные, показывают, насколько американская статистика нуждается в соответственных поправках.

Милитаризм после мировой войны.

Уже самые условия мирных договоров, заключенных в Версале и Сен-Жермене, показывают, что вся эта огромная растрата человеческих жизней и средств нисколько не уменьшила силы империалистического соперничества, тяготевшего над довоенной Европой. Более того, результаты мировой войны при своем ближайшем рассмотрении делают все эти жертвы еще более бессмысленными. В довоенной Европе страшным бичом народного хозяйства был милитаризм, который приводил европейские государства к огромным затратам непроизводительного характера. Мировая война повела не к уничтожению военных расходов, а, наоборот, несмотря на все фальшивые воздыхания статута Лиги Наций, вызвала их увеличение. Всячески проклинавшийся в странах Антанты германский милитаризм содержал в 1913 г. армию в 647.000 солдат, 135.000 офицеров и унтер-офицеров, а Франция, воевавшая якобы с целью уничтожить это германское военное засилье в Европе, имела в 1921 г. под ружьем 820.000 человек. От Франции

не отстал и английский империализм, ухитрившийся затратить на вооружение со времени окончания мировой войны около 3 миллиардов рублей. Те же самые явления можно наблюдать и в других крупных империалистических государствах, как-то: Соединенных Штатах, Японии, Италии, от которых не отстают и более мелкие, как Бельгия, Польша, Румыния.

Задолженность европейских государств.

Все эти расходы по содержанию армий и флотов ложатся на хозяйственные организмы, в значительной степени истощенные войной и обремененные большими государственными долгами. Побежденные государства обязаны выплачивать репарации победителям, а эти последние не могут ликвидировать своей междусоюзной задолженности. Вышедшая из войны победительницей Франция с начала 1921 года оказалась обремененной государственным долгом, выражающимся колоссальной суммой в 300 миллиардов франков. Англия с трудом погашает свой долг Американским Штатам. Может быть, уничтожение всех этих межсоюзнических долгов внесло бы значительное оздоровление в экономическую жизнь Европы и Америки, но такое погашение взаимной задолженности вряд ли имеет какие-нибудь шансы на успех среди нажившихся на войне и желающих получить свои прибыли капиталистических государств. Правда, лишь С. Штаты могут себя причислить к числу таковых: они оказались всеевропейским кредитором, задыхающимся от избытка стремящегося к вывозу денежного капитала, но именно заатлантическая республика менее всего готова поступиться своими интересами в пользу обедневшей и истощенной Европы.

Возникновение империалистических антагонизмов.

Те империалистические антагонизмы, которые послужили причиной мировой войны, после ее окончания возникли лишь в новой форме. В лагере победителей, немедленно после победы над противником, начались новые раздоры, которые были лишь временно приглушены совместной борьбой против общего врага, но уже проявились в тех переговорах, какие велись относительно расправы над побежденными. Наметился новый ряд причин для будущих столкновений и будущих войн. Здесь прежде всего надо

отметить столкновение империалистических интересов в бассейне Тихого океана. Там выступают три крупнейших антагониста—Англия, С. Штаты и Япония. Главным яблоком раздора среди них служит эксплоатация Китая с его естественными богатствами и многомиллионным населением. В Китае американский империализм постепенно вытесняет английского купца. В довоенное время С.-А. С. Штаты ввозили в Китай всего 6% всех товаров китайского ввоза, а к 1923 г. их доля дошла до 16½%. Американский ввоз товаров в Шанхай, крупнейший порт Китая, к этому же времени сравнялся с английским. В этой конкурентной борьбе все экомические шансы находятся на стороне С. Штатов, так как после войны С. Штаты оказались самым могучим капиталистическим государством в мире. Они обладают половиной всего мирового запаса золота. В них производится 44% мировой добычи угля, более 50% железа-сырца, чугуна и стали, 65% всего хлопка, 73% мировой добычи нефти. Естественно, что этот капиталистический гигант заявляет претензии на преобладание в Тихом океане. К невыгоде С. Штатов их передовой пост у азиатского материка—Филиппины—находится слишком далеко от тихоокеанского берега Американского континента, но все же власть над Панамским каналом, обеспечивающая возможность перебрасывать флот из Антлантического окена в Тихий, дает им возможность рискнуть и на военные операции у китайских берегов. Но у этих берегов властвуют англичане с их флотом и великолепными военными базами Сингапуром и Гонконгом и Япония, обладающая сильным флотом, личный состав которого, по всей вероятности, является лучшим в мире, и прекрасной сухопутной армией. Особенно обострены отношения между С. Штатами и Японией, которая раздражена воспрещением японской иммиграции в С. Штаты и теми препятствиями, которые американский империализм ставит проникновению японских интересов в Китай. Бедная естественными богатствами и страдающая от большого перенаселения Япония стремится к захвату новых территорий для эксплоатации недостающих ей источников сырья и для вывоза избыточного населения и здесь вступает в конфликт с С. Штатами и с Англией. В Европе местом для столкновения империалистических

интересов является главным образом Германия. Творцы Версальского мира очень скоро поняли, что их интересы значительно расходятся. Вооруженная до зубов Франция все же не могла отделаться от страха перед поверженной Германией. Поэтому французы поддерживали самые крайние требования Версальского мира и особенно настаивали на своем праве применять „санкции“ по отношению к Германии. Военная оккупация германских областей производилась при этом за счет Германии и обошлась последней за время с 1920 г. до половины 1922 г. в 4.500.000 марок, при чем французы требовали для содержания своих войск такие предметы, как фарфоровые блюда, стаканы для пива и красного вина, рюмки для шампанского и портвейна, ковры, детские кровати, дамские письменные столы, кушетки и т. п. Все эти требования и самые приемы оккупации граничили просто с издевательством, так как роскошества победителей происходили на фоне катастрофического положения германского населения. Сотрудник одной немецкой газеты так описывает посещение детской школы в Рудных горах в 1919 г.: „Вы подумаете, что это детский сад для малюток. Нет, это дети 7—8 лет. Крохотные лица с большими умными глазами, с огромным выдающимся рахитическим лбом, слабые руки, представляющие одву кожу и кости, а над искривленными ногами живот, вспухшуй от голодного отека... Этот ребенок,—об'яснил мне врач,—получает массу хлеба, но не становится от этого сильнее. Я открыл, что он прячет его под свой матрац. Страх голода так вкоренился в его душу, что он собирает запасы пищи вместо того, чтобы питаться ею: искаженный животный инстинкт делает страх голода ужаснее, чем самые его страдания“. Отсюда становится ясным отчаяние одного из государственных деятелей послевоенной Германии Вальтера Ратенау, который, несмотря на свою принадлежность к капиталистическому лагерю, прямо грозил Франции, что доведенные до крайности немцы пустят „красного петуха“ большевизма до самого Рейна, чтобы заразить революционной заразой и Францию. Французское правительство не ограничивалось этим постоянным нажимом с запада, оно организовало враждебные Германии силы и на других границах последней. В роли такого враждебного Германии наймита французского капитала выступила

главным образом Польша. Но это континентальное усиление Франции, которая намеревалась хозяйничать в Европе, как у себя дома, совершенно не улыбалось английскому империализму. Для Англии, после того как был уничтожен германский флот, было важно имет такую сухопутную Германию, которая могла бы создать некоторый противовес империалистическим устремлéниям Франции на Европейском материке. Эти английские планы усиления Германии имели за собой поддержку и С. Штатов, хотя и по совершенно иной причине. Для С. Штатов было важно усилить вывоз своего излишнего денежного капитала, чтобы избавиться от накопленных за время мировой войны денежных излишков и воспользоваться прекрасным оборудованием немецкой индустрии и сравнительно дешевым трудом немецкого рабочего для того, чтобы создать новые типы товаров, могущих конкурировать с английской промышленностью. Поэтому как англичане, так и американцы об'единились одной целью— устранить Францию от роли вершителя судеб Германии. Стремящаяся уйти от политического насилия со стороны Франции Германия тем самым попадает под преимущественное влияние английских и американских банкиров. Если к этому прибавить еще борьбу за нефтяные источники в Передней Азии, борьбу финансовых интересов бывших союзников на Балканах, то картина империалистического соперничества будет столь же полной, как и до мировой войны, с той только разницей, что это соперничество еще не успело вполне выкристаллизоваться в округленные международные комбинации. Лига Наций лишь чисто-внешним образом прикрывает эти растущие антагонизмы, несмотря на все те надежды, которые возлагаются на нее боящимися нового мирового столкновения кругами буржуазного общества.

Мировая война, социальная революция и колониальный вопрос.

Эта боязнь имеет свои и вполне определенные основания. Развитие военного воздушного флота и военной химической промышленности сделает будущую мировую войну гораздо более ужасной, чем окончившаяся. Достаточно указать на изобретенный американцами газ „левизит“, от которого не могут защитить никакие маски, получивший в самой Америке лестное название „роса смерти“, чтобы

представить себе ужасы грядущей войны. Такая война может просто окончиться гибелью больших городов, населенных районов и целых культур. Но эта война, еще более страшная и разрушительная, чем предыдущая, будет происходить и в иных социальных условиях. Уже кончившаяся мировая война со всеми ее ужасами и лишениями оказалась для народных масс могучим орудием пропаганды против империализма и привела к ряду социальных революций и усилению революционного движения. Правда, капитализм показал большую силу сопротивляемости, привлекши к защите своих интересов верхушки рабочего класса—профсоюзную бюрократию и политических вождей пролетариата, но эта рабочая аристократия, войдя в сотрудничество с буржуазными правительствами, выдала рабочим массам своего рода вексель с обещаниями увеличить заработную плату, сократить рабочее время и, наконец, предотвратить мугущие возникнуть международные столкновения. Этот вексель вряд ли сможет быть погашен, и опыт с привлечением на свою сторону рабочих верхушек не сможет быть повторен буржуазными политиками, тем более, что наиболее передовые слои рабочих, наученные горьким опытом „гражданского мира", об'единились в Коминтерне и Профинтерне—организациях, непримиримо враждебных буржуазии. Но самое важное заключается в том, что революционная волна, прокатившаяся по Европе в 1917—20 годах (революция в Австрии и Германии; советские республики в Венгрии и Баварии), оставила после себя вполне реальный след в виде существования Советской России. Это новое для Европы государство по своему устройству является не только государственной единицей, как остальные европейские державы, но представляет собой организацию диктатуры того общественного класса, который находится в подчинении и эксплоатации в остальных государствах. Поэтому всякая война с ее обострением классовых противоречий будет обращать внимание угнетенных классов общества на Советскую Россию, а всякая война против Советской России будет войной не только против определенного государства, но и против определенного класса. Многочисленные попытки интервенции и удушения Советской России имели две цели: ее превращение в колонию иностранного капитала и уни-

чтожение этого очага социальной революции. Трудно сказать, какая цель была важнее для империалистических держав. Во всяком случае появление Советской России, как фактора в международной политике, вносит новые и значительные осложнения в расчеты империалистических государств. И еще одно обстоятельство увеличивает значение Советской России в сложившейся для империализма обстановке. Империалистическая политика в значительной степени основана на эксплоатации колониальных рабов Африки, Индии, Китая. Но именно мировая война всколыхнула все эти эксплоатируемые человеческие массы. Представители африканских народностей побывали в войсках Антанты на войне, участвовали в оккупации германской территории, и весь этот военный опыт разбудил критические чувства по отношению к своим эксплоататарам и стремление стряхнуть с себя зависимость. Английский империализм оказался принужденным дать хотя бы мнимую автономию Египту. Новая Турция Кемаль-паши сумела обосновать свое национальное единство и независимость, воспользовавшись распрями среди европейских империалистов. Такое же национальное движение растет среди арабов Сирии и Аравии, в разделавшейся со своей старой династией и расторгшей свой договор с Англией Персии и в усиленно европеизирующемся Афганистане. Мусульмане в Индии на аллахабадской конференции 1920 г. постановили отказаться от сотрудничества с английской администрацией, несения военной и политической службы и уплаты налогов. Англичане жестоко расправились с мятежниками, но движение так разрослось, что английский наследник престола, совершавший путешествие по своей империи, принужден был ограничиться посещением только наиболее европеизированных городов Индии и даже там находиться все время под охраной английских штыков. Остальное население Индии также находится в состоянии постоянного брожения и неудовлетворенности теми реформами, которые, скрепя сердце, проводит английское правительство. Национальная партия Китая „гоминдан“ под руководством недавно умершего Сун-Ян-Сена установила в Кантоне национальное китайское правительство и ведет успешную борьбу с английским империализмом и теми китайскими генералами, которые опираются на чужеземное влияние.

Направленное против европейских поработителей движение развивается и в остальных областях Китая. Таким образом мировая война оказалась не только причиной социальной революции и усиления революционного движения, но и причиной национальных движений в Африке (Египет, Марокко) и Азии. Эти национальные движения существовали и до мировой войны, но тогда главным шансом на удачу для них были лишь раздоры среди империалистических хищников. А при этом почти что неизбежной была опасность, в результате удачи, лишь переменить хозяина: из рук одного империализма попасть в руки другого. Сами империалистические политики были не прочь от того, чтобы сыграть на национальных интересах во вред своим конкурентам. Появление Советской России изменило эту обстановку осуществления национальных интересов. Политика, принятая Советской Россией по отношению к национальным меньшинствам, обратила на себя внимание населения европейских колоний и связала вопросы национального освобождения с социальной революцией, направленной против империализма. Но уничтожение колониального рабства означает смерть для европейского империализма, и в этом смысле национальное движение народов Африки и Азии и социальная революция связаны общностью целей. Поэтому могущая возникнуть мировая война будет происходить не только в обстановке усиленной классовой борьбы, но и борьбы за освобождение угнетенных национальностей. Империалистическая война будущего заставит империализм повиснуть на волоске от революции социальной и национальной. Отсюда и боязнь наиболее просвещенных и дальновидных политиков буржуазной Европы. Мировая война так поколебала все устои буржуазного государства и общества, что боязнь грядущих потрясений заставляет европейских политиков хвататься за Лигу Наций, как за последнее средство для обеспечения длительного мира, но деятельность этого учреждения не дает никаких оснований для таких радужных надежд. Лига Наций не смогла разрешить удовлетворительным образом даже тех сравнительно небольших вопросов, которые вставали перед ней, а С. Штаты с самого начала ее существования отказались войти в нее. Повидимому, на долю Лиги останется лишь одно назначение—служить средством для

политической агитации и прикрытия империалистических целей различными благовидными предлогами. Принимая во внимание всю эту сложность и опасность социально-политической обстановки, в которой приходится действовать политикам империалистической Европы, мы получаем полное право говорить об истории послевоенной Европы, как об эпохе кризиса империализма, и нам становится понятным мрачное пророчество итальянца Нитти: „Наши сыновья перенесут еще более страшную трагедию, чем испытания, выпавшие на долю нашего поколения". Это предсказание бывшего итальянского министра может служить заключением к той странице европейской истории, которая закончилась мировой войной и последовавшими за ней мирными договорами. Дальнейшее развитие империализма может повести к новой трагедии, которая только приблизит его неизбежную смерть.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Глава первая. **Что такое империализм.**

Конец национальных войн. 3
Развитие европейской промышленности в конце XIX и XX веках . —
Империализм, как монополистический капитализм 5
Финансовый капитал 6
Свободная торговля и протекционизм 8
Колониальная политика 10
Вывоз капитала 12
Дележ мира между монополистическими союзами капиталистов . 14
Империализм и милитаризм 16
Промышленно-финансовая олигархия и пресса 17
Силы, поддерживающие империализм . . . . . —
Войны и конец империализма 18

Глава вторая. **Переходный период империализма (80-е годы XIX стол.—1900).**

Значение Германской империи 20
Политика Бисмарка. 21
Образование тройственного союза 23
Русско-германские отношения в 80-годах. 26
Образование двойственного союза 30
Положение Англии 33
Раздел Африки 34
Европейский империализм в Азии 38

Глава третья. **Классический период империализма (1900—1914).**

Англо-германское соперничество. 45
Образование Антанты. Сближение Англии и Франции. 47
Русско-японская война и ее влияние на европейскую политику . 48
Первый марокканский кризис 51
Сближение Англии и России 53
Второй марокканский кризис 55
Первый балканский кризис 59
Второй балканский кризис 61
Европейский империализм в Азиатской Турции. 65
Европейский милитаризм перед мировой войной 67

Глава четвертая. **Мировая война и кризис империализма.**

Мировая война и капиталистическая пресса 71
Европейская дипломатия в мировой войне 72
Константинополь и проливы. 73
Дипломатия Антанты 76
Вовлечение в войну нейтральных государств. 78
Австро-германская дипломатия 80
Доходы капиталистов во время войны 81
Вмешательство Соединенных Штатов 85
Версальский мир 88
Сен-Жерменский мир 92
Севрский мир и Турция 93
Лига наций 96
Стоимость мировой войны 97
Милитаризм после мировой войны. 98
Задолженность европейских государств 99
Возникновение империалистических антагонизмов . . . . . —
Мировая война, социальная революция и колониальный вопрос . 102

Издательство „РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ“
при ЦК Проф. Союза работников просвещения СССР.
Правление: МОСКВА, Воздвиженка, 10. Телефон 4-10-72.
Торговый отдел. Тел. 5-72-98. Отд. период. изд. Тел. 3-26-25.

Общественная и политико-просветительная литература.

Бергман, С. и **Долинский, С.** Кружковая работа в клубе. М. 1925 г., стр. 163, ц. 1 р.

Из отзывов печати: „Эта книга является результатом ряда весьма интересных и ценных методических опытов, проверенных на практике, в кремлевском клубе имени Я. М. Свердлова... Книга может принести большую пользу клубным работникам“. „Красная Звезда“, 1925 г.

Гордон, В. Машина в современной жизни. М. 1926 г., 2-е изд., стр. 132, ц. 85 к.

Заводов, В. Учительство и комсомол. М. 1925 г., 2-е изд., стр. 80, ц. 40 к.

Содержание: Сдвиг учительства в сторону партии и комсомола.—В поход за знаниями.—Сучки и задоринки.—Работа учителя и комсомольцев в избе-читальне.—Комсомольская помощь школе.—Пионерам без учителя и учителю без пионеров не обойтись.—Школа крестьянской молодежи и учитель.—Сельско-хозяйственные кружки молодежи и совместная работа в них.—О комсомольце-политруке, допризывнике и учителе-ликвидаторе. — Комсомольские шефы учителя забывают.—Резервы просвещенцев и комсомола.—Нужна смычка по всему фронту.

Заровнядный, Н. Спутник самоучки. В помощь самообразованию. Сборник статей и материалов. Допущено ГУС‘ом. М. 1925 г., стр. 334, ц. 2 р.

Зеленко, А. Американские сельские клубы молодежи и метод домашних проектов. (По личным наблюдениям). М. 1926 г., стр. 188, ц. 1 р. 50 к.

Зильберфарб, И. Современная революционно-педагогическая Франция. М. 1926 г., стр. 128, ц. 1 р. 25 к.

Зиновьев, Г. Учительство и диктатура пролетариата. Речь на I Всесоюзном учительском с‘езде 13 января 1925 г. М. 1925 г., стр. 110, ц. 40 к.

Из отзывов печати: „Книга т. Зиновьева является ценным пособием, как образец марксистского решения вопроса о положении интеллигенции при капитализме и диктатуре пролетариата, роли школы, как орудия политики. Она даст учителю деревни и города путеводную нить по вопросу о своей общественной работе и подходе к крестьянству и т. д.“.
„Учительская Газета“, 1925 г., № 26.

Костицын, В. Строение вселенной. Допущено ГУС‘ом. М. 1926 г., 2-е изд., стр. 84, ц. 60 к.

Издательство „РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ“

при ЦК Проф. Союза работников просвещения СССР.

Правление: МОСКВА, Воздвиженка, 10. Телефон 4-10-72.

Торговый отдел. Тел. 5-72-98. Отд. период. изд. Тел. 3-26-25.

Кржижановский, Г. Ленин и техника. М. 1925 г., стр. 27, ц. 15 к.

Из отзывов печати: „Та теплота, то действительно искреннее восхищение Лениным и преклонение перед ним, как вождем нашей борьбы за технику, которыми пропитана брошюра, заставляют ее прочесть, не отрываясь. Книжка заставит серьезно задуматься над вопросами техники даже читателя, склонного, под давлением нашей нищеты, отодвинуть дело создания нового хозяйства, электро-хозяйства, на второе место. Больше технической пропаганды и агитации! Шире распространяйте прекрасную брошюру т. Кржижановского!“. „Книгоноша“, 1925 г.

Луначарский, А. Просвещение и революция. Сборник статей. М. 1926 г., стр. 432, ц. 2 р. 75 к.

Милькович, Н. проф. и **Малинко, В.** На пути к научному мировоззрению. В помощь культурному работнику деревни. М. 1926 г., стр. 176, ц. 1 р. 25 к.

МОПР и учительство. Сборник материалов для переработки в школе, пионер-отряде, в ячейке, избе-читальне и т. п. Составили Шпагнева, В., Симонс, Я. и Карпинская, З. Под редакцией З. Карпинской. Со вступительной статьей П. Н. Лепешинского. Допущено ГУС‘ом. М. 1926 г., стр. 180, ц. 1 р. 50 к.

Педагогические идеи Великой французской революции. Речи и доклады Лавуазье, Кондорсе, Лаканаля, Лепелетье, Талейрана и др. Перевод С. Сыркиной. Под ред. и с предисл. проф. А. Пинкевича. М. 1926 г., стр. 283, ц. 2 р.

Полянский, В. (П. Лебедев). А. В. Луначарский. Биографический очерк к 50-летию со дня рождения. М. 1926 г., стр. 46, ц. 40 к.

Сабанеев, Л. Музыка в клубе. Пособие для клубных работников. М. 1926 г., стр. 103, ц. 1 р.

„ Музыка после октября. М. 1926 г., стр. 165, ц. 2 р.

Смушков, В. Очерк советской экономической политики. М. 1925 г., 4-е изд., стр. 144, ц. 60 к.

Из предисловия: „Книга рассчитана на мало подготовленного читателя и стремится прежде всего дать в наиболее популярной форме изложение сущности советской экономической политики и обзор отдельных сторон хозяйственной жизни, не перегружая внимание читателя деталями“.

Трахтенберг, О. Беседы с учителем по диалектическому материализму. Допущено Научно-Педагогической Секцией Госуд. Ученого Совета, как пособие для преподавателей. М. 1925 г., стр. 296, ц. 1 р. 75 к.

Издательство „РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ“
при ЦК Проф. Союза работников просвещения СССР.
Правление: МОСКВА, Воздвиженка, 10. Телефон 4-10-72.
Торговый отдел. Тел. 5-72-98. Отд. период. изд. Тел. 3-26-25.

Яновская, Э. Почему мы празднуем Красный Октябрь. М. 1925 г., 3-е изд., перераб. и дополненное, стр. 96, ц. 60 к.

Книги о печати.

Вардин, И. (Мгеладзе). Советская печать. Сборн. статей. М. 1924 г., стр. 152, ц. 1 р.

Варейкис, И. Политика партии в деревне и задачи крестьянской печати. М. 1925 г., стр. 48, ц. 20 к.

День печати. Сборник статей и материалов отдела печати ЦК РКП (б). М. 1925 г., стр. 48, ц. 25 к.

Из отзывов печати: „Книга дает достаточно полное общее представление о росте нашей печати. В сборнике помещены статьи работников отдела печати ЦК РКП о печати, „как средстве связи между партией и массами“, о книжном деле за годы революции, о наших газетах и т. д.“.

„Известия ЦИК СССР“, 5/V—25 г.

Лозанн, Ст. Ее Величество Пресса. Перевод Г. и Т. Кепиновых. С предисловием С. Ингулова. М. 1926 г., стр. 170, ц. 1 р. 75 к.

Из отзывов печати: „Книга говорит об идеологии журнализма и техники его. Первая часть написана с явным намерением изобразить буржуазного журналиста таким, каким он должен являться перед наивными взорами одурачиваемой обывательской массы. Техника журнализма изложена талантливо и художественно. С ней полезно познакомиться каждому журналисту. Ценность книги в ее метких характеристиках, богатых наблюдениях из области журналистской практики“.

„Книгоноша“, 1926 г., № 12.

Рыклин, Г. и **Миров, Я.** Десять бесед с селькором. М. 1925 г., стр. 104, ц. 65 к.

Из отзывов печати: „Книжка представляет большую ценность для селькора. Она даст ему возможность разобраться в условиях нашей советской действительности и лучше усвоить те практические задачи, которые стоят непосредственно перед ним, как селькором“.

„Учительская газета“, 29/X—25 г., № 50.

Смис, Г. Те, кто делает газету. Бытовое оригинальное, забавное и трагическое в воспоминаниях о газете. Перевод В. Николич и С. Раевского. М. 1925 г., стр. 196, ц. 1 р. 50 к.

Из отзывов печати: „Рецензируемая книжка американского журналиста, редактора „Чикаго Дейли Ньюс“ дает чрезвычайно любопытное описание работы большой буржуазной газеты“.

„Правда“, 1925 г., 18/IX.

Издательство „РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ"
при ЦК Проф. Союза работников просвещения СССР.
Правление: МОСКВА, Воздвиженка, 10. Телефон 4-10-72.
Торговый отдел. Тел. 5-72-98. Отд. период. изд. Тел. 3-26-25.

Книги по организации экскурсий и технике их проведения.

Биндеман, Н. и **Зимин, Н.** Море и горы. Материалы для геологических экскурсий в Крыму. Для школьной практики и самостоятельных наблюдений. Стр. 88, ц. 75 к.

Всесвятский, Б. Исследовательский подход к природе и жизни. Идеи и практика биостанции юных натуралистов имени К. А. Тимирязева. С многочисленными рисунками. Стр. 79, ц. 75 к.

Гордон, В. Экскурсии на фабрики и заводы. Допущено ГУС'ом. Стр. 100, ц. 60 к.

Диомидов, И. (ред.). Опыт проработки советской конституции в трудовой школе. Сборник статей, вып. I-й. Допущено ГУС'ом. Стр. 53, ц. 40 к.

Закс, А. (ред.). Массовые школьные экскурсии. Ленинград — Волховстрой — Урал — Волга — Крым — Кавказ. Стр. 232, ц. 2 р.

Константинович, А. Геологические экскурсии в школе I ступени. Допущено ГУС'ом. Стр. 61, ц. 40 к.

Лобанов, В. Обществоведческие экскурсии. Стр. 70, ц. 40 к.

Новоселов, Ф. Изучение местного края в школе. Допущено ГУС'ом. Стр. 60, ц. 40 к.

Огнев, С. Жизнь леса. Очерки из жизни животных среднерусского леса. Стр. 176, ц. 1 р.

Родин, А. Деловая улица большого города. Производственно-краеведческий очерк Мясницкой улицы в Москве. 24 рис. в тексте. Стр. 104, ц. 1 р.

Сергель, С. Экскурсии в лодке и пешком. Стр. 188, ц. 1 р. 40 к.

Сухова, В. Что может дать экскурсия. Руководство к собиранию природного и бросового материала для трудовых процессов детей. Допущено ГУС'ом. Стр. 40, ц. 25 к.

Флеров, В. День на кожевенном заводе и обувной фабрике. С многочисленными иллюстрациями и красочной таблицей изображений обуви разных народов и эпох. Стр. 62, ц. 50 к.

Экскурсии по городу со школьниками I ступени. Сборник статей, разработанных в Экскурсионном отделе Института методов внешкольной работы. Стр. 147, ц. 1 р. 25 к.

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. Р.К.П. (б.)

	Р.	К.
Рубинштейн, М. М. проф. Жизненные комплексы в труд. школе. 2-е изд.	—	65
Попова, Н. Школа в деревне. „Школа жизни" с сельско-хозяйственным уклоном	—	2
Прушицкая, Р. Дошкольное воспитание и современность	—	35
Россолимо, Г., проф. План исследования детской души	—	30
Рыклин, Г. и **Миров, Я.** Десять бесед с селькором	—	65
Рыков, А. Очередные задачи советской власти и учительство	—	20
Смирнов, А. Психология ребенка и подростка	—	55
Современная практика социального воспитания. Сборник статей с предисловием Н. К. Крупской. 2-е изд.	1	50
Трахтенберг, О. Беседы с учителями по диалектическому материализму	1	75
Челюткин, И. (ред.). Практика производственно-трудовой школы	1	60
Чичерин, А. Что такое художественное воспитание	—	70
Шапиро, Я. Здоровая смена. Вопросы гигиены воспитания в пионердвижении и школе	—	90

II. МЕТОДИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Берри, Дж. Методика по сельско-хозяйственному уклону в американских школах	1	50
Бельчиков, Н. и **Шапиро, А.** Грамматика в школе для взрослых. 2-е изд.	—	85
Векслер, И. Коллективная методическая работа учительства в школе II ступени	—	45
Воронов, В. Вместе с детьми		40
Гнедов, А. Справочник по сельскому хозяйству. 2-е изд.	—	75
Диомидов, И. Опыт проработки советской конституции в трудов. школе	—	40
Зенченко, С. и **Карпинская, Л.** Школа и сельское хозяйство	1	25
Игнатьев, Б. Биология в трудовой школе I ступени. 2-е изд.	—	65
„ Что читать советскому учителю по естествознанию	—	35
Иорданский, Н. Массовая трудовая школа	—	35
„ Основы и практика социального воспитания. 4-е изд.	2	40
Карельских, А. и **Под'япольский, Н.** (ред.). Спутник народного учителя по сельскому хозяйству	1	75
Кашин, Н. и **Стародев, В.** Учебная книга по физике. Ч. I	1	25
„ То же. Ч. II	2	—
Кемпинский, Г. Жизненная геометрия. Под ред. и с предисловием А. Воронца	1	—
Красиков, Ф. Упрощенные приборы по физике и опыты с ними. 4-е издание	1	65
Ланков, А. Математика в трудовой школе. 7-е изд.	1	—
„ Устный счет. 2-е изд.	—	40
Лицом к деревне. Материалы Научно-Педагогич. Института методов школьной работы	—	25
Лобанов, В. Обществоведческие экскурсии. 3-е изд.	—	40
Медынский, Е. (ред.). Громкая читальня. Подвижная хрестом. Вып. I. В деревне. 2-е изд., перераб.	1	85
„ То же. Вып. II. На фабриках и заводах. 2-е изд., перераб. Громкая читальня	1	90
„ То же. Методическое руководство. 3-е изд., перераб.	—	45
Мерзон, И. Дальтонский лабораторный план в русской школе. 2-е изд.	—	60
Мерзон, „ Советское строительство в деревне	1	25
Новоселовы, Ф. и **П.** Задачи жизни. Как самому учителю составлять задачи	1	25
Новоселов, Ф. Изучение местного края в школе. 2-е изд.	—	40
Огнев, С. Жизнь леса. 2-е изд.	1	—
Пешковский, А. Школьная и научная грамматика. 5-е изд.	—	50
Практика лабораторных работ в школе. Опыт применения лабораторной системы на рабфаке им. Н. И. Бухарина	2	—
Рейтынбарг, Д. Организованный труд. Хрестом. по организац. труда.	2	75

20160

	Р.	К.
Сельско-хозяйственное производство в американской школе. Программы американских сельских школ	—	40
Сергель, С. Экскурсии в лодке и пешком	1	40
Сингалевич, С. Обществоведение в трудовой школе. 2-е изд.	—	65
Смушков, В. Очерк советской экономической политики. 4-е изд.	—	60
Соколов, К. Методы комплексного преподавания. 6-е изд.	—	70
Сухова, В. Что может дать экскурсия. 2-е изд.	—	25
Ушаков, Д. Краткое введение в науку о языке. 7-е изд.	—	85
Харузин, А. Руководство по огородничеству	1	75
Шапошников, И. Живые звуки. Методика безбукварного обучения детей грамоте. 5-е изд.	1	75
Шацкий, С. Изучение жизни и участие в ней	—	15
„ (ред.) Среда—воспитатель и проблема детского сада	—	45
Эменов, В. Учебный год в сельской школе на основе программы ГУС'а. 3-е изд.	—	60
Якобсон, А. Опыты и наблюдения по физике и химии	1	35
Яновская, Я. Грамота и дети. 2-е изд.	—	70

III. ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Анисимов, М. Деревенская работа Союза работн. просвещ. 2-е изд.	—	40
„ Спутник профработника просвещенца. 2-е изд., испр. и дополн.	—	—
Бирюкова, И. Охрана труда работников просвещения	—	75
Бирюкова, И. и **Дюмидов, И.** О пенсии за выслугу лет работникам просвещения	—	20
Вигалок, А. Что должен знать работник просвещ. о своем Союзе. 3-е изд.	—	65
Гейман, И., Равкин, И., Рузер, Е. и **Соколов, Я.** Труд и здоровье педагога	—	90
Дзюбинский, С. Сельский учитель. Путевые заметки лектора	—	45
Дробот, В. Великий перелом (учительство о себе)	—	50
Дулин, С. Союз работников просвещения СССР в резолюциях и постановлениях его с'ездов и конференций	1	25
Заводов, В. Работа представителя комсомола в месткоме Рабпроса	—	10
Коростелев, А. Учитель и профдвижение	—	15
Лозовский, А. Французский народный учитель	—	40
Программы элементарной профпропаганды в Союзе работников просвещения. 2-е изд.	—	15
Профграмота просвещенца. Материалы для работы элементарного профкружка. Разработаны Культотделом Цекпроса. 3-е изд.	—	45
Профессиональный Союз работников просвещения СССР в 1922—1924 г.г. Отчет ЦК Союза V Всесоюзному С'езду	2	—
Пятый Всесоюзный С'езд Союза работников просвещения СССР. Стенографический Отчет	2	50
Стриевская, Н. (ред.). Заочное обучение. Опыт работы Московского Губпроса. 2-е изд.	—	40
Труд просвещенца и физическая культура. Сб. статей составлен. Бюро физической культуры при культотделе Цекпроса	—	75
Учитель и революция. Сборник статей и метериалов под редакцией А. Коростелева, А. Луначарского и С. Сырцова	1	10
Физкультура среди просвещенцев. Сборник материалов и статей. Составл. Культотделом Цекпроса	—	35

Ц. 75 к.
Р.